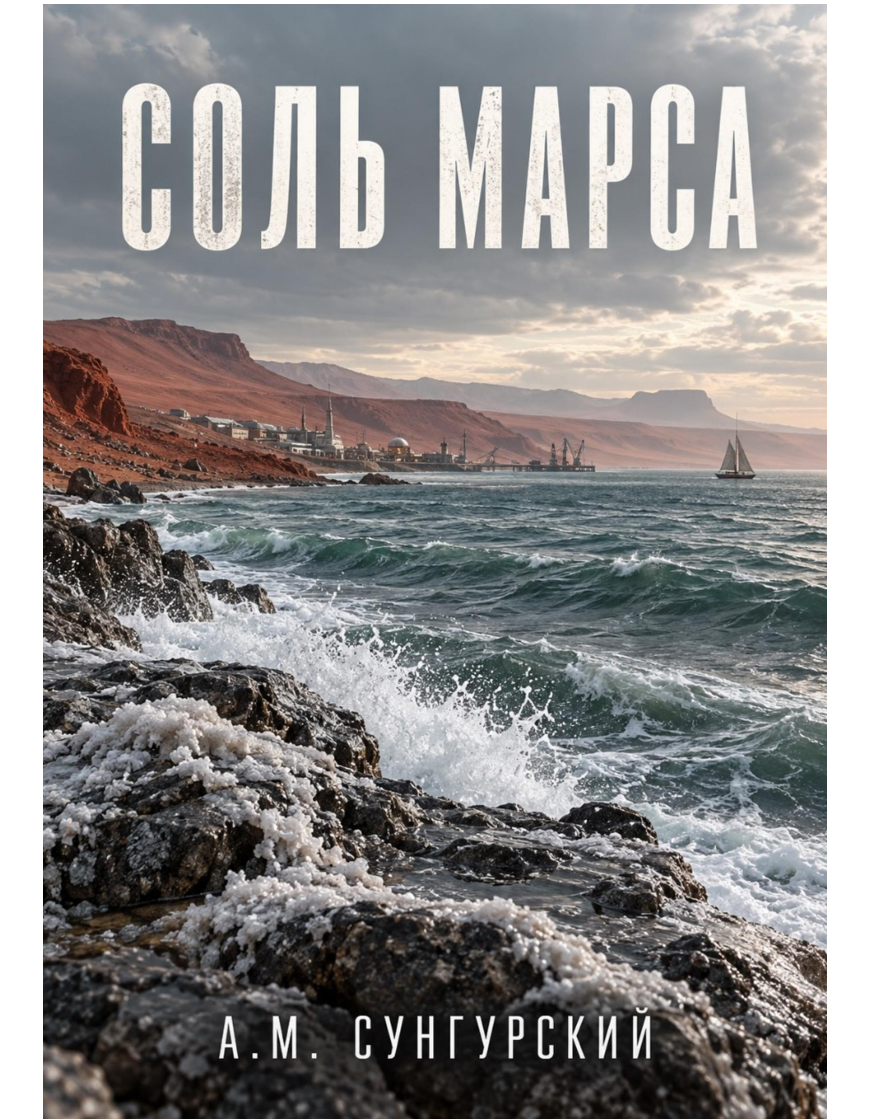

СОЛЬ МАРСА

А.М. СУНГУРСКИЙ

А.М. Сунгурский

Соль Марса

<https://litres.ru/74674497>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гидрогеолог из Астрахани Динара Алимова выпускает воду в сухую марсианскую чашу. У первого открытого моря растут порты, появляются рыбаки, парусные лодки и своя береговая песня. Но за круглогодичный морской путь приходится платить, а у людей, выбравших холодную зиму, тоже есть право на будущее. Динара хочет сохранить тёплое море. Её дочь Мила, ставшая моряком и руководителем побережья, предлагает другое устройство жизни. Когда над портами сгущается большой шторм, прежних семейных ответов уже недостаточно: обеим придётся отвечать за тех, кто доверил им берег.

Содержание

Глава 1. Лодка на колёсах	4
Глава 2. Ужин перед морем	16
Глава 3. Нижняя площадка	28
Глава 4. Шесть сухопутных	39
Глава 5. Полоса	50
Глава 6. Высокий город	61
Глава 7. Ночная вода	71
Глава 8. День без потолка	82
Глава 9. Дуга	92
Глава 10. Вторая чаша	103
Глава 11. Люди с билетами	113
Глава 12. Длинный размах	123
Конец ознакомительного фрагмента.	128

А.М. Сунгурский

Соль Марса

Глава 1. Лодка на колёсах

Динара увидела лодку из окна своего кабинета и сперва решила, что её наконец везут к воде. Потом вспомнила, что воды ещё нет.

Лодка ехала на шести колёсах, медленно огибая столовую. Сзади шагал человек с поднятым кабелем, впереди два мальчишки спорили, кто первым сядет за руль, а в открытой рубке стояла Мила. Дочь вела транспортную платформу с временного пульта, закреплённого на стойке. На повороте она вытянула свободную руку в сторону и дала знак так торжественно, словно в посёлке уже существовали другие корабли, способные столкнуться с её кораблём на перекрёстке.

Динара открыла окно.

— Алимова!

Мила подняла голову. На ней была отцовская куртка, слишком широкая в плечах, с чёрным пятном возле кармана.

— Которая? — крикнула она.

— Сойдите с судна.

— Я его несу.

Человек с кабелем рассмеялся. Динара узнала Славу из

транспортной смены и отступила от окна, чтобы не продолжать разговор при нём. Через минуту всё-таки выглянула снова: лодка уже поворачивала к сборочному двору. На её белом борту, под номером, кто-то нарисовал синюю полосу. Полоса шла неровно, и там, где маляр обошёл крепление, получилась высокая волна.

До завтрашнего пуска Динара успела представить себе множество помех, но лодка на колёсах не входила в их число. Ей захотелось спуститься и хотя бы потрогать борт. Вместо этого она вернулась к столу, сняла с экрана последние подписи и отправила подтверждение готовности.

Время отправки отпечаталось рядом с её фамилией: шестнадцать часов одиннадцать минут. Над ним стояла дата: 2486 год. Сегодня эти привычные цифры показались чужими. В детстве на Земле будущее начиналось гораздо раньше.

Кабинет был маленький, со стеной из необлицованных панелей. На крючке висели две куртки: рабочая и та, в которой её просили завтра выйти к камерам. У обеих на груди темнели выцветшие прямоугольники прежних знаков проекта. За двадцать с лишним лет работы названия объединений менялись чаще, чем куртки.

Под окном стоял ящик с образцами пород. Динара наклонилась, нашла гладкий бурый камень и провела большим пальцем по сколу. Этот образец подняли из последней перемычки между накопительной системой и чашей. Завтра в том месте пойдёт вода; камень останется у неё. Она убра-

ла его в карман рабочей куртки, подумала и переложила в праздничную.

В дверь заглянула диспетчер Лада.

— У вас люди.

— Рейн?

— Двое из школы. Рейн сказал, что придёт после людей.

Динара усмехнулась и велела впустить. Вошли учительница в оранжевом шарфе и мальчик лет двенадцати. Шарф здесь был излишеством: отопление в управлении не щадили, хотя на улице даже днём держался сухой холод. Учительница сняла его и намотала на ладонь.

— Мы на пять минут. Аркадий хочет спросить сам.

Мальчик держал перед собой жёсткую папку. Угол папки упирался в живот, и Динара подвинула ему стул, чтобы он мог положить её на колени. Он не сел.

— Когда море станет синим?

Динара посмотрела на учительницу. Та развела свободной рукой: вопрос был собственный.

— Вода будет разной, — сказала Динара. — Завтра у берега сперва мутной. Надо дождаться, пока осядет поднятое со дна.

— А потом синим?

— Иногда. Если смотреть издалека, в хорошую погоду. Иногда серым, зелёным. Подойдёшь близко — увидишь камни, а самого цвета почти не будет.

Мальчик нахмурился.

— А на обложке оно синее.

Он раскрыл папку. На плотном листе было нарисовано море, над ним маленькое белое солнце, на берегу люди в жёлтых одеждах. Сверху широкими буквами шло: «Наш первый морской день».

— Красиво, — сказала Динара.

— Это в столовую. Я там у окон повешу. Только если оно будет другое, мне скажут.

— Кто скажет?

— Все.

Учительница отвернулась к окну, пряча улыбку.

Динара достала из нижнего ящика чистый лист, но передумала и вернула.

— На твоём рисунке хорошая погода, — сказала она. — Такая тоже будет.

— Завтра?

— Завтра обещают ясную. Но столько воды здесь ещё не окажется. Понадобится время.

Мальчик посмотрел на рисунок с явной досадой: взрослые опять передвинули самое хорошее куда-то за пределы завтра. Динара знала этот взгляд по собственному зеркалу.

— Могу показать место, откуда она придёт, — предложила она. — Если вы не спешите.

Учительница посмотрела на часы. Аркадий тут же закрыл папку, словно в ней не оставалось ни одного нерешённого вопроса.

Они вышли из управления втроём. Динара надела рабочую куртку; в праздничной пришлось бы идти осторожнее, а ей хотелось скорее добраться до края. На улице холод взялся за щёки. Воздух был сухой, пах нагретой пылью возле стены и едой из столовой. Над крышей негромко выл приточный вентилятор. Дом стоял ещё в старом режиме, с привычкой защищать жильцов даже тогда, когда дверь можно было оставить открытой.

Порог строили как временный пусковой посёлок. Теперь к каждой временной коробке приросло что-нибудь постоянное: застеклённая прихожая, склад, чужой балкон. Перед мастерской лежала стопка панелей с нарисованными окнами. Никакой функции у окон не было, кроме желания видеть на стене окно, и Динара всякий раз задерживала на них взгляд.

За последним рядом домов открывался спуск. Внизу, среди серого камня, далеко тянулась светлая полоса нового канала. Вода оставалась за его верхним затвором, невидимая отсюда. Дальше лежала пустая чаша. Её дно перерезали дороги, следы буровых, старые шурфы и полосы очищенной поверхности. На дальнем склоне пыль почти съела белые корпуса бывшего разведочного лагеря.

— Вон оттуда, — сказала Динара.

Аркадий вытянул шею.

— Я думал, из-под земли.

— Она и была под землёй. Мы вывели её к каналу, подготовили. Теперь выпустим сюда.

— Всю?

— Постепенно. Если налить столько, сколько нужно морю, за один день, наш посёлок до вечера не простоит.

Мальчик наконец сел на низкую ограду. Учительница придержала его за локоть, но он уже нашёл удобную опору и раскрыл папку снова. От ветра лист хлопал по обложке.

— Значит, завтра тут лужа.

Динара прикусила внутреннюю сторону щеки.

— Первый залив.

— Большой?

Она показала, где вода пройдёт в первый день, где окажется через неделю, до какой линии доберётся позже. Аркадий сопоставлял её руку с рисунком, потом достал карандаш и провёл на светлом берегу маленькую прямую черту.

— Это мы. Чтобы было понятно, что далеко.

Динара заглянула ему через плечо. Человеческая фигурка получилась крошечной, у самого края синего. Теперь море на листе действительно стало большим.

Учительница поблагодарила её. На прощание Аркадий спросил, можно ли завтра подойти к воде самому, без класса. Динара показала огороженную дорожку к нижней площадке и объяснила, где будут стоять люди. Он выслушал внимательно и убрал карандаш за ухо с выражением человека, получившего доступ к настоящей взрослой тайне.

Динара осталась у ограды. Из посёлка донёсся короткий электрический сигнал: лодка въезжала в сборочный двор

задним ходом. Она не видела её отсюда, зато видела пустое дно целиком, насколько позволяла дымка. Столько лет она смотрела сюда и проверяла, что ещё предстоит сделать. Сегодня приходилось напоминать себе, что смотреть можно и просто так.

* * *

Милу она нашла под лодкой.

Дочь лежала на спине между передними колёсами платформы, вытянув ноги из-под корпуса. Слава стоял рядом, держал фонарь и рассказывал, как однажды в Ступенях при перевозке целого жилого модуля обнаружили, что забыли отцепить лестницу. Лестница добралась до следующего квартала, собрав по дороге половину рекламной растяжки.

— Я это слышала, — сказала Динара.

— От меня?

— От моей дочери. Только у неё дом был с тремя жильцами.

Из-под лодки ответили:

— Они так хотели переехать.

Динара наклонилась. Мила держала разъём обеими руками и старалась повернуть его, не ударив костяшки о поперечину. Куртка под ней уже пропылилась.

— Ты работу закончила?

— Как видно, гуляю. Слава, свет ниже.

Фонарь переместился. Разъём вышел с сухим щелчком. Мила отползла назад и села между колёсами, отряхивая рукав.

— Всё. Теперь ваша лодка не соединена с сухопутным миром ничем, кроме денег.

— Она не моя.

— Сказать наверху? Там на каждую вещь твою фамилию печатают.

Динара подала ей руку. Дочь приняла её, но поднималась больше собственными ногами: под корпусом было тесно, пришлось сперва развернуться боком. На колене осталось светлое пятно. Мила его не заметила.

— Зачем ты была в рубке? — спросила Динара.

— Сидеть и ждать, пока платформа сама повернёт, было бы странно.

— Там есть место для оператора.

— Куда посадили ящик с вашим праздничным ограждением. Я ни разу не превысила скорость.

Слава убрал фонарь в сумку и предусмотрительно пошёл к заднему колесу. Динара посмотрела на широкое ветровое стекло лодки. Внутри ещё пахло новым уплотнителем; на сиденье лежала мягкая упаковка, снятая со штурвала.

— Пустишь? — спросила она.

Мила подняла брови, затем подвинула приставную лесенку. Динара взялась за верхний поручень и поднялась на борт. Палуба была узкой, с непривычно высоким для такой лод-

ки ограждением. Она коснулась белой краски. Поверхность оставалась холодной.

— Как называется?

— Пока номер.

— Синяя полоса уже есть.

— Это не имя. Хотя можно так и назвать. «Полоса». Все сразу поймут, что у нас с фантазией.

Дочь поднялась следом и встала у двери рубки. На её лице появилось выражение, которое Динара знала: Мила собиралась что-то попросить и уже заранее защищалась от отказа.

— Я записалась на курс.

— На какой?

— Судовождение. Рудой набирает шестерых. Трех из транспортной службы и ещё трех, если пройдут проверку. Меня взяли на пробный месяц.

Динара хотела сказать, что месяц лучше начинать после полного пуска, когда Мила сможет освободиться от нынешней работы. Но дочь продолжила раньше:

— Штаб согласовал мои смены. Два дня работаю, третий учусь. Плату с начала пока не снимают, дальше решим.

— Когда ты подала?

— На прошлой неделе.

— А мне сейчас говоришь.

Мила посмотрела в окно рубки. На сухом дворе люди передвигали стойки праздничной площадки; ветер таскал по земле длинную полосу упаковки.

— Я хотела сначала, чтобы взяли.

— Ты думала, я пойду просить?

— Я думала, ты будешь очень рада. И всем расскажешь.

А я потом не пройду, и придётся рассказывать обратно.

Динара присела на водительское место. Мила не стала её останавливать, только наклонилась, вытащила из-под материнского бедра упаковку и положила на полку.

За стеклом белела носовая палуба, дальше поднимался кирпичного цвета склон, выше лежало бледное небо. Динара попробовала представить, что земля исчезла. Вода поднимется, лодка отделится от платформы, пойдёт сама. Она столько раз видела это на расчётных изображениях, что теперь настоящая рубка казалась ошибочно маленькой.

— Я очень рада, — сказала она.

Мила перестала складывать упаковку.

— Уже можно?

— Можно. Только я хотела когда-нибудь научить тебя плавать.

— Учить можно и капитана. Он от этого хуже не станет.

— Тебе ещё до капитана...

— Знаю. Это на случай, если ты очень долго будешь ждать чистую воду и тёплый день.

Динара рассмеялась. Дочь села на край соседнего сиденья и вытянула ноги в проход. Динара вдруг увидела, что ботинки у неё совсем старые: на одном возле подошвы тянулась белая полоска клея. Завтра все будут смотреть на новую во-

ду, а Мила придёт к ней в этих ботинках.

— Возьми у меня другие, — сказала она.

— Что?

— На завтра. Мокро будет.

Мила посмотрела на собственные ноги.

— Если развалятся, это станет историческим событием.

Первые утонувшие ботинки Марса.

Снаружи постучали в борт. Слава просил освободить лодку: её надо было закрепить на опорах, а до конца смены он хотел успеть поесть.

Они вышли. Динара спустилась первой и придержала лесенку, пока дочь сходила последней. Потом обе отошли за разметку. Слава подключил свой пульт, проверил людей по сторонам и включил подъём платформы. Лодка медленно поднялась. Между килем и колёсами появился просвет, в который пока можно было заглянуть с любой стороны.

Мила стояла рядом с матерью, глядя снизу на собственное будущее.

— Мам, — сказала она негромко. — Только Рудому не говори, что я с детства мечтала. Я не с детства.

— А с когда?

— Утром в рубке хорошо было.

Динара спрятала холодные пальцы в рукава. Дочь ждала, улыбаясь.

— Тогда посмотрим, как будет на воде.

Мила довольно кивнула и побежала помогать Славе с зад-

ними опорами.

Глава 2. Ужин перед морем

Павел Рейн ждал в приёмной и ел сухое яблоко из бумажного пакета. Местного управляющего земного объединения «Пелаг» Динара обычно видела за столом, окружённым людьми с отдельными просьбами; сейчас он сидел один. Увидев её, встал и аккуратно сложил пакет, оставив кусочек в руке.

— Я не тороплю, — сказал он. — Здесь впервые за день можно сидеть, не отвечая.

— Тогда зря я пришла.

— Могу начать сначала.

Они прошли в кабинет. Рейн положил на стол плоскую коробку. Динара уже знала этот вид упаковки: с него начиналось всё, что было слишком дорого для повседневного употребления и недостаточно полезно для рабочей заявки.

Внутри лежали восемь маленьких прозрачных пластин. В каждую впаяли белый кристалл, а внизу вытравили дату заварашнего пуска и знак «Пелага».

— Соль, — сказал Рейн.

Динара взяла одну пластину за край.

— Из нашей воды?

— Из последней принятой серии. Очищенный остаток. Коллеги предложили раздавать воду, но она плохо смотрелась в руках. На записи получалось, что мы дарим друг другу

медицинские пробы.

— Соль лучше?

— Она хотя бы не прольётся на председателя.

Динара повертела пластину. Кристалл был неровный, с одним острым углом и длинной мутной трещиной. Она знала, какая смесь солей оставалась после подготовки воды, но в этой дорогой упаковке даже рабочий остаток приобрёл странную важность.

— А где люди, которые делали очистку?

— На завтрашней площадке. Они получают такие же.

— Восемь?

Рейн сел. Он был крупный, с рано поседевшими висками и почти мальчишеской привычкой подвигать к себе всё, что могло понадобиться в разговоре. Сейчас он передвинул коробку так, чтобы Динаре не пришлось тянуться.

— Здесь ваша служба. Остальные у меня. И не все захотели, я спрашивал. Некоторые предпочли доплату.

— Я бы тоже спросила про доплату.

— Вы уже спросили. На комиссии. Трижды.

Она вернула пластину на место и села напротив. Рейн наконец доел яблоко. На него налипла крошка бумаги, которую он снял с языка кончиком пальца, и Динара перестала чувствовать, что их разговор обязан соответствовать торжественной коробке.

— Что не так? — спросила она.

— Всё так. Поэтому я и пришёл. Завтра на Земле получают

запись, мы все станем великими людьми, а послезавтра кто-нибудь потребует, чтобы вы подписали ещё двадцать участков по берегу. Лучше договориться до того, как вы перестанете брать связь.

Он открыл карту. На ней будущее море выглядело завершённым: тёмная вода, светлые причалы, дороги, цветные прямоугольники застройки. Динара убрала сплошную заливку воды, чтобы видеть затопляемые поверхности, и сразу узнала собственную рабочую схему.

Рейн показал три участка.

— Эти — в пределах уже оплаченного. Гостевой корпус, грузовой двор, ремонтный берег. Здесь могут начинать, когда пройдёт пуск. Право доступа к воде сохраняется по вашей полосе. Я не прошу переписать её на нас.

Динара увеличила ремонтный берег.

— Ограждение в воду не выводить.

— Только до линии береговых работ.

— До нынешней линии. Через год она будет другой.

— Поэтому здесь временный контур. Постоянный согласуем после наблюдения.

Они несколько минут двигали границы. Рейн не спорил из-за каждой полосы, зато не уступал дорогу к грузовому двору: если оставить только общественный проезд, тяжёлые перевозки придётся останавливать всякий раз, когда к воде придут дети. Динара нашла место для отдельного выхода к берегу и провела его выше по склону.

— А вот это уже за счёт проекта, — сказал он.

— Да.

— Не за счёт будущего порта?

— Мы пока и есть будущий порт.

Рейн посмотрел на неё поверх экрана.

— Сегодня — да.

Он не добавил ничего, и Динара вернула схему в первоначальный масштаб. Через год ей хотелось видеть на берегу дома, людей, паруса. Через год Рейну придётся объяснять, почему деньги на дома и людей пришли сейчас, а доходы ещё не начались.

— Строительство моря оплачено не целиком будущими сборами, — сказала она. — Не начинайте завтра рассказывать, что мы должны вернуть каждую древнюю ракету.

— И не собираюсь. Атмосферная программа, орбитальная защита, старые тепловые узлы — отдельные бюджеты. Здесь у нас накопление, очистка, водовыпуск, этот берег и та часть новых тепловых линий, которую мы достраивали. Вы присутствовали при каждом изменении.

— Присутствовала.

— Я помню. Особенно при изменениях цены.

Она улыбнулась.

Рейн убрал карту и задержался с открытым пустым экраном. Обычно в такой паузе он доставал настоящее требование, ради которого приходил. На этот раз достал фотографию девочки, державшей над головой прозрачный зонт.

— Моя внучка. Купили сегодня в Ступенях. Продавец сказал: для дождя. Она спросила, почему он тогда хранит зонты в помещении, если там не бывает дождя.

— Сколько ей?

— Семь. Она уже умеет объяснить взрослому, чем он занимается неправильно.

Динара разглядела на зонте нарисованных рыб. За спиной девочки был привычный переход высокого города: широкие двери, низкий светлый потолок, растения в закрытых стенных коробах. Так выросла и Мила. Когда Динара впервые привела её на открытый низкий склон без дыхательной маски, дочь долго не отпускала ремешок, который сама же сняла с лица. Ей было девять; на всех семейных записях того дня она держала пустую маску в руке.

— Привезёте завтра? — спросила Динара.

— Если её мать отпустит. У матери другой взгляд на великие события. Считает, что ребёнок после дороги будет спать у неё на коленях, пока мы говорим в камеры.

Рейн закрыл фотографию. У коробки с солью лежал тонкий лист с распределением завтрашних выступлений. Он подвинул его Динаре.

— Четыре минуты вам. Хотели дать восемь, я сказал, что вы всё равно уйдёте смотреть на выпуск.

— Правильно сказали.

— И просьба. Когда будете благодарить тех, кто не дожил, не перечисляйте всех поимённо. Мы можем отдать им от-

дельную запись. Живые до воды не дождутся.

Динара посмотрела на лист. В её приготовленной речи было двенадцать фамилий. Среди них — две, которые Рейн тоже знал лично.

— Они ждали дольше живых, — сказала она.

— Знаю.

Он не стал отводить глаз. Несколько секунд они молчали; потом Динара убрала лист в ящик, не обещая исправить речь. Рейн поднялся и снял плащ с крючка у двери. Коробку с солью оставил ей.

На пороге он оглянулся.

— Я родился в закрытом доме, Динара Ильинична. В Ступенях. В детстве я не видел, как человек открывает окно и просто уходит, не подумав о давлении. Никаких великих земных морей у меня сзади нет. Поэтому завтра, пожалуйста, дайте нам хотя бы один час, в котором никто никому ничего не продаёт.

Она хотела сказать, что это он пришёл с картой участков. Но он уже улыбался, словно услышал её без слов.

* * *

Артём приехал поздним грузовым рейсом и занял половину их маленькой кухни.

Он привёз два контейнера с растениями, большую сумку одежды и хлеб, который испекли в Ступенях на живой за-

кваске. Хлеб в дороге примялся, растения стояли ровно, но муж сначала распаковал хлеб и сказал, чтобы Динара пока не трогала остальное.

— Оно кусается?

— Оно живое. А ты уже трогала разъём под напряжением, потому что хотела понять, нагревается ли он.

— Мне было двадцать четыре.

— Значит, опыт есть.

Он разрезал хлеб, попробовал край и с недовольным видом срезал ещё тонкую полоску. Динара стояла у двери, не снимая куртки. За день она успела несколько раз поговорить с ним по связи, знала, каким рейсом он едет, но каждый раз после долгой разлуки ей требовалась минута, чтобы привыкнуть к его настоящему телу в помещении. Артём стал чуть полнее; у него сильнее проступили складки возле рта, зато глаза после дороги были те же — весёлые, занятые тем, что прямо перед ними.

Он поднял голову.

— Давай уже сюда.

Она подошла, прижалась лбом к его шее. Муж пах холодной одеждой, хлебом и своим городским мылом. Он обнял её одной рукой, второй продолжал держать нож над столом.

— Положи, — сказала Динара.

— Положил.

Теперь он обнял её как следует. Она засмеялась, когда его нос задел висок, и подумала, что всё торжественное завтра

окажется очень пустым, если он снова уедет в тот же вечер.

— Ты до какого?

— До послезавтра. Потом на три дня туда. Потом обратно.

— Артём.

— Я же говорил. У меня люди ждут передачу. А потом я буду здесь.

— Всё время?

— Всё время, которое не потребуется там.

Она отстранилась. Муж улыбнулся и потянул её за рукав, помогая снять куртку.

— Не начинай сейчас мерить. Сначала поедим.

В одном контейнере оказалась жёсткая зелень, которую он выращивал в закрытых солоноватых лотках. Второй Динара не открывала: на крышке был отдельный замок. Артём поставил оба под стол, подальше от горячей стенки. Для еды достал из сумки маленькую банку пряной пасты.

Мила пришла, когда они уже сидели. Остановилась в дверях, увидела хлеб и бросила отцовскую куртку прямо поверх его городской.

— У нас Земля приехала.

— У нас Ступени приехали, — сказал Артём. — Земля у вас в начальстве.

Мила поцеловала его в затылок, села на свободный табурет. Семье впервые за несколько недель пришлось распределять место для локтей. Динара передвинула хлеб к середине, Артём подвинул контейнер под столом ногой, а дочь вытя-

нула к нему обе ладони.

— Что?

— Посмотрим.

Он осмотрел её пальцы, повернул левую кисть. На ладони краснела полоса, натёртая при работе с креплениями. Артём не стал спрашивать, больно ли, лишь убрал солонку с той стороны, куда дочь всё время попадала рукой.

— Матери рассказала?

Мила посмотрела на Динару.

— Он знал. Не наказывай его.

— Собиралась поставить в угол.

— Там контейнер. Он не поместится.

Артём спросил, чему будут учить в первую неделю. Дочь начала рассказывать. Динара слушала, намазывая пасту на хлеб, и с некоторым раздражением обнаружила, что муж задаёт ровно те вопросы, которые она должна была задать у лодки. Кто ещё в группе, сколько часов на воде, что будет с нынешней работой. В ответах Мила переставала шутить, уточняла то, чего не знала, доставала расписание. На экране всё выглядело гораздо серьёзнее, чем в рубке над сухим двором.

— Плавать-то умеете? — спросил Артём.

Мила вытянула ноги под столом и легонько толкнула мать носком.

— Уже поставлено в семейный план.

Динара толкнула в ответ. Артём посмотрел на обеих,

предпочёл не выяснять и стал рассказывать о своих растениях.

Для начала ему отдавали небольшой закрытый водоём выше будущего берега, отделённый от моря. Там можно было проверять солоноватую воду, не выпуская ничего в открытую чашу. Потом он хотел линию пищевых культур, большой тёплый участок, возможность работать вне городских стен. Динара знала эту часть мечты; она много лет шла рядом с её собственной. Но сейчас Артём впервые говорил об аренде.

— Какой участок? — спросила она.

Он открыл схему. Мила наклонилась посмотреть, но рисунок был знаком только родителям: два резервных бассейна, дорога к старой измерительной станции, тепловая ветвь.

— Здесь общего прохода нет, — сказала Динара.

— Потому я и хочу здесь. Чтобы никто не лез ногами в опыт.

— К морю всё равно придут.

— К морю — пусть. В лотки — не надо.

Мила откинулась на табурете.

— Значит, у мамы море для всех, а у папы суп за забором.

— Если суп будут есть все, забор тоже пригодится, — ответил Артём. — Голодным стоять снаружи неприятнее.

Он говорил без обиды, но карту не убирал. Динара спросила, кто будет оплачивать вторую тепловую линию. Муж назвал две службы, с которыми уже договорился о заявке, и сумму собственного взноса. Сумма оказалась больше, чем

она ожидала.

— Из наших?

— Из моих отложенных. Не из того, что у тебя на переезд. Мы обсуждали.

Обсуждали — год назад, когда участок ещё был серым прямоугольником без цены. Динара это помнила и потому не стала говорить, что впервые слышит. Она взяла себе второй ломоть хлеба, хотя первый ещё не доела.

— Завтра всё равно не подпишу.

— Завтра я не прошу. Завтра мы будем смотреть на твою воду.

Он закрыл схему, и Мила тут же предложила назвать пищевое хозяйство «Мамин берег». Артём отказался: слишком много начальства в одном названии.

После ужина дочь ушла к друзьям. На её табурете осталась сложенная записка с расписанием курса, которую она нарочно не забрала. Артём вымыл нож, просушил его и убрал в сумку: нож приехал вместе с хлебом, в доме такого ещё не было. Динара смотрела, как он привычно устраивает возле мойки место для второй кружки.

Ночью она долго не могла уснуть. Артём лежал рядом, тёплый и тяжёлый даже здесь, где тело легче отрывало пятки от пола. За окном, над сухой чашей, двигался дежурный свет. Вода оставалась за затвором.

— Ты спишь?

— Почти.

— А если завтра мне не понравится?

Он повернул к ней голову.

— Вода?

— Всё. Я столько это придумывала. Вдруг оно окажется маленькое.

Артём некоторое время молчал, затем придвинулся ближе.

— Тогда послезавтра посмотрим ещё раз.

Она положила руку ему на грудь. За стенкой щёлкнул остывающий прибор, во дворе кто-то коротко позвал другого человека. Динара слушала эти звуки, пока они не стали смешиваться со сном, а утром проснулась раньше сигнала и сразу пошла к окну.

Глава 3. Нижняя площадка

На праздничной куртке камень оттягивал карман. Динара вспомнила о нём уже у выхода, когда Артём помог ей застегнуть воротник. Пальцы мужа на секунду задержались на выпуклости.

— Провиант?

— История.

— Бери полегче. Там будет кому таскать.

Он пошёл впереди. Динара закрыла дом, проверила замок и тут же сердито отняла руку: в этот день хотелось совершать только большие движения, а тело продолжало требовать обычного порядка.

У управления стоял транспорт для приглашённых. Мила уже работала у передней машины. На ней были другие ботинки — свои же, тёмные, почти новые, которые она берегла для города. Динара заметила и ничего не сказала. Дочь помогала пожилой женщине закрепить сиденье, отвечая одновременно двум людям. Когда мать прошла мимо, Мила лишь подняла два пальца и показала вниз, к площадке: увидимся там.

Динара с Артёмом пошли пешком. По дороге к ним присоединились ещё трое; потом стало больше, и вся улица постепенно превратилась в медленное шествие. Никто не командовал строиться. Люди несли еду, складные сиденья, тёп-

лые накидки для детей. Человек в яркой шапке катил на тележке большой ящик с собственным звуком: оттуда время от времени вырывался неправильный музыкальный аккорд.

Раньше в пусковом посёлке главным событием был приход тяжёлого груза. Все выходили смотреть на новое, потом расходились, и оставшиеся работники принимались это новое закреплять, соединять, проверять. Сегодня ничего не привезли. Динара всё ловила себя на том, что ждёт дальнего гула двигателей.

Нижняя площадка находилась над будущим заливом. К воде от неё вела отдельная огороженная дорожка, пока такая же сухая, как весь склон. В стороне, на техническом выступе, стояли люди пусковой смены. Их не переодевали к празднику; издалека виднелись защитные каски и яркие полосы на рукавах.

Рейн подошёл, когда Динара уже сняла перчатку, чтобы коснуться холодной стойки ограждения.

— Последняя проверка закончена. Смена на местах. Метеослужба держит прежний прогноз.

— Знаю.

— Я на случай, если вы сегодня захотите услышать хорошее от другого человека.

Он показал на тёмный край рядом с затворным зданием. Там, в подготовленной горловине канала, уже появилась вода. Её подали в короткий верхний участок до закрытого выпускного затвора, и теперь она лежала между светлыми сте-

нами, ровная, почти чёрная. Издали можно было принять её за тень.

Динара вглядывалась, пока кто-то не позвал Рейна к камере. Он ушёл. Артём остался рядом, молча взял у неё перчатку, чтобы она не уронила.

Прохладный воздух двигался со стороны чаши. На дальнем краю виднелись старые опоры измерительной сети, которые оставили как ориентиры для наблюдений. Всё, что могло повредить будущим судам или отравить воду, убрали раньше. Динара помнила пустые стойки после снятия оборудования и человека, который не хотел отдавать последнюю будку из-за её хорошего отопления. Будку вывезли целиком; теперь она стояла у ремонтного двора и называлась клубом, хотя внутри пока хранили свёрнутые маты.

— Подумать только, — сказала женщина за спиной. — И в самом деле.

Динара обернулась. Пожилая пассажирка, которой помогала Мила, стояла у перил, держа обеими руками сумку. На сумке остался старый знак глубинной проходки.

— Вы здесь работали?

— Мой муж. Я потом. Когда его списали, я приняла жильё и склад. Он считал, что я неправильно выдаю людям запасное. Говорил, они всё равно не вернут. Не возвращали. А я выдавала.

Она посмотрела на руки Динары, потом на её лицо.

— Вы Алимова?

— Да.

— Я думала, вы выше.

Артём отвернулся, но Динара успела заметить его улыбку.

— Здесь все меньше, чем про нас рассказывают, — сказала она.

Женщина достала из сумки сложенную фотографию, защищённую прозрачным мягким чехлом. На ней мужчина в рабочей маске стоял возле буровой колонны. Лицо было видно плохо, зато на груди крупно белел написанный от руки номер.

— Хотела ему показать. Вот так, к воде.

Она поворачивала снимок, выбирая положение. Динара помогла прижать нижний край к ограде, чтобы его не гнуло ветром. Мужчина смотрел из-под тёмного стекла туда, где пока оставался сухой склон.

Потом начались выступления.

Динара не запомнила первых слов. Она знала людей по голосам, слышала, как один сбивается, другой спешит закончить, третий делает паузу, ожидая перевода на общий канал. В нужный момент Артём коснулся её спины. Она отдала ему вторую перчатку, вышла к стойке и увидела перед собой лица.

Не бесконечное человечество, ради которого готовила речь. Ладу, успевшую сменить служебную куртку на светлый жилет. Славу, который держал на плечах маленького сына, а тот всё тянул его за ухо. Учительницу в оранжевом шар-

фе. Аркадия с папкой, прижатой локтем. Милу возле первого ряда, уже свободную от пассажиров. Рейнову внучку под прозрачным зонтом: родители всё-таки привезли её, и она не собиралась признавать, что зонт сейчас совершенно не нужен.

Динара произнесла приготовленное начало, потом посмотрела на экран со своими двенадцатью фамилиями. За её спиной начиналась техническая связь. На время речи в общий звук её не подавали, но Динара видела, как сменный руководитель ждёт короткого сообщения снизу.

Она прочла все двенадцать.

Не стала объяснять заслуги каждого. Назвала службу и имя, задержалась на двух последних, выдохнула и поблагодарила тех, кто стоял здесь сейчас. У Артёма в руке торчала её перчатка; она увидела её и закончила совсем не той фразой, которую писала ночью.

— Я хочу, чтобы вы потом пришли сюда без нас. Без приглашения и без этого торжества. Чтобы вода была, когда мы заняты чем-то другим.

Рейн возле камеры медленно опустил голову. Кто-то хлопал раньше конца, остальные подхватили, и Динара отступила от стойки, чувствуя жар в лице. Четыре минуты она, конечно, превысила.

В общий звук включили рабочую связь пусковой смены.

На экране над площадкой возникла горловина канала. Изображение несло небольшую задержку, поэтому Динара

смотрела на сам затвор, а потом переводила глаза на крупный план. Руководитель смены Олег Панов вызвал нижние посты, получил подтверждения и объявил начало первого открытия.

Сначала изменился звук.

Они стояли далеко, и до площадки дошёл низкий неровный шум, словно кто-то долго тянул по камню тяжёлую ткань. В светлой горловине появилась тёмная полоса. Она расширилась, ударилась в первый уступ, вспенилась и побежала дальше. На экране вода казалась белой; глазами Динара видела прежде всего движение, которого раньше не было.

Люди притихли. Сын Славы перестал теребить отцовское ухо и наклонился вперёд так сильно, что Слава перехватил его за колени.

Вода вышла из укреплённого русла на каменное дно. Там у неё не оказалось красивой правильной формы. Она пошла по старой ложбине, разделилась на два рукава, в одном месте долго кружила между камнями. Передний край был бурый, густой от поднятой мелочи; за ним двигалась более прозрачная вода. Впадина под площадкой наполнялась медленнее, чем казалось по рисункам. Зато там, где дно было гладким, мокрый блеск побежал неожиданно быстро.

Мила оказалась возле матери, хотя Динара не видела, как она подошла.

— Смотри на левую, — сказала дочь.

Левый рукав добрался до круглого камня, знакомого обе-

им по десяткам проходов. Камень долго оставался сухим на вершине, потом вода поднялась, сорвалась через него тонкой прозрачной плёнкой. Динара вспомнила его шероховатость под ладонью. Рядом кто-то заплакал. Она не повернула головы.

Панов объявил принятый расход, состояние затвора, первые показания нижних постов. Цифры не изменили зрелища. Динара слышала их и понимала, что сейчас должна отметить каждую, но смотреть перестать не могла.

— Можно вниз, — сказал наконец человек у дорожки. — По одному проходу. Не за ограждение.

Люди сразу двинулись. Слишком сразу, и на несколько секунд площадка наполнилась толчками и извинениями. Мила взяла пожилую женщину со снимком под локоть, помогла повернуться к спуску. Динара пошла следом с Артёмом.

Внизу шум был выше и живее. Вода ещё не добралась до самой дорожки: её конец нависал над сухим каменным карманом, в который постепенно втекало снизу. Панов рассчитал это место так, чтобы люди увидели приближение берега, не стоя на его пути. На белой рейке у края темнела первая мокрая отметка.

Пожилая женщина подняла фотографию. Мужчина на ней теперь смотрел в воду. Аркадий, протиснувшись рядом с учительницей, раскрыл папку; ветер подхватил лист, но мальчик успел прижать его подбородком. Слава осторожно спустил сына с плеч и поставил перед собой.

Динара вдруг обнаружила, что не может подойти к перилам: все места уже заняты. Кто-то узнал её, начал уступать. Она покачала головой. Артём стоял сзади и держал её под руку. Она чувствовала его пальцы сквозь праздничный рукав.

Мила наклонилась между двумя взрослыми, выпрямилась и обернулась к матери. У неё были мокрые щёки. Она засмеялась, заметив, что Динара смотрит.

— Не я. Долетело.

Первый плеск добрался до нижней стойки. Люди отшатнулись и тут же подались обратно, будто боялись пропустить второй. Динара встала на носки, увидела тёмную воду совсем близко и почувствовала на губе холодную каплю.

Ей хотелось облизать её. Она удержалась: вода прошла очистку, но пригодность для моря не делала её питьевой. Стерла каплю рукавом, увидела на ткани маленькое мокрое пятно.

Артём, заметив, что она всё ещё без перчаток, протянул ей одну. Динара не взяла.

— Пока нет.

Её руки замёрзли, камень оттягивал карман, впереди уже спорили о том, кто сколько стоит у перил. Она никогда не представляла себе мечту такой тесной.

К вечеру на берегу осталось больше людей, чем рассчитывала служба питания.

Пришлось привезти второй котёл, потом ещё воду для горячего питья. Кто-то предложил брать прямо из нового залива, и шутка немедленно обросла десятком подробностей о том, сколько получится заплатить за самую дорогую кружку в истории Марса. Динара слышала её уже в четвёртом пересказе, когда смогла наконец отойти от камер.

Залив лежал перед площадкой неровной тёмной полосой. Дальний берег ещё можно было различить, но некоторые знакомые проходы исчезли. Вода закрыла колею, по которой вчера ездила измерительная машина; её сухой остаток с этой стороны обрывался прямо у мокрого камня. Там, где дно уходило глубже, не было видно ничего.

Рейн разговаривал с руководителями из Ступеней. Один мужчина, которого Динара знала только по совещаниям, показывал пальцем на новый край и что-то говорил с серьёзным лицом. Рейн слушал, потом засмеялся и подозвал Динару.

— Спрашивают, можно ли теперь пройти на другую сторону короче.

Мужчина смутился.

— Я про дорогу. Её же закрыли.

Динара показала на верхний обход. Он удлинял путь почти вдвое, и мужчина посмотрел туда без радости. В Ступенях он отвечал за наземные перевозки. До сегодняшнего дня карта потерь оставалась для него изображением в служебном файле; теперь дорога исчезла у него перед глазами.

— Зато суда пойдут, — сказал Рейн.

— Они ещё пойдут, — ответил перевозчик. — А машины уже не идут.

Он сказал это без злобы, и Рейн перестал улыбаться. Они отошли обсуждать временные рейсы по верхней дороге. Динара не последовала за ними. Она и так знала, сколько старых маршрутов приходилось отдавать воде. Но сейчас впервые услышала жалобу на море, которое существовало меньше суток.

Мила с двумя друзьями сидела на краю площадки, свесив ноги на сухой уступ. Один парень держал кружку обеими ладонями, другой пытался снять с пальца прилипшую сладкую пасту. Дочь заметила мать, поднялась и подошла.

— Ты домой?

— Ещё нет. Ты?

— Тоже.

— Завтра работаешь?

— С поздней смены. А утром первое занятие.

Она потеряла нос тыльной стороной руки. Кожа возле ноздрей покраснела от холода. Динара уже хотела отправить её греться, но дочь разглядывала воду с таким вниманием, что

слова застряли.

— Я думала, будет громче, — сказала Мила.

— Когда разойдётся дальше, ветер возьмёт больший разгон.

— И волны станут большие?

— Больше этих.

— А когда?

Динара засмеялась. Весь день ей задавали этот вопрос: ребёнок с рисунком, репортёр, собственная дочь. Она сама задавала его двадцать лет, только выбирала более учёные слова.

— Не завтра.

Мила кивнула и вернулась к друзьям. Динара смотрела на троих молодых людей у края воды и вдруг ясно увидела, что они не ждут от неё завершённого моря. Им уже было куда прийти.

К ней подошёл Артём. В руках он держал две кружки, одну протянул ей. Они отошли туда, где меньше мешал разговор, и встали боком к ветру.

— Ну? — спросил муж.

— Не маленькое.

Он довольно улыбнулся, будто сам наполнил чашу, и осторожно отпил из своей кружки. За тёмной водой начал гореть первый огонь нижнего поста. Пока он стоял почти посреди будущего залива, на сухой каменной гряде. Через несколько недель туда придётся ходить на лодке.

Глава 4. Шесть сухопутных

Касьян Рудой не дал им войти в рубку.

Мила пришла раньше остальных и успела заглянуть внутрь: сиденья ещё оставались в упаковке, на полу лежала бухта тонкого провода. Она уже протянула руку к дверной стойке, когда за спиной сказали:

— Не трогайте. Здесь монтаж не закончен.

Она отняла руку.

Рудой был ниже, чем она ожидала по записи. Широкий, с тяжёлой шеей, почти без волос на темени. Над правой бровью тянулся старый светлый шрам, в котором застряла крупинка пыли. Мила сперва смотрела на неё, потом заставила себя перевести взгляд человеку в глаза.

— Я Алимова.

— Список у меня есть.

— Пришла на курс.

— Вижу.

Он прошёл мимо, нагнулся к лежавшему на полу проводу и поднял его за середину. Один конец выполз из рубки. Рудой повесил бухту на стенную стойку, проверил, не осталось ли под ногами петли, и только после этого повернулся к Миле.

— Вам двадцать?

— Да.

— В транспортной смене сколько?

— Второй год.

— С людьми работали?

Мила хотела сказать, что машины сами на себя не грузятся, но он ждал без улыбки.

— Пассажиров возила. Смены и приезжих. Вчера тоже.

— Хорошо. Пока стойте здесь. Если кто полезет в рубку, остановите.

Он ушёл, оставив её возле двери. Мила посмотрела ему вслед и подумала, что первое назначение на флоте получилось странно похоже на все прежние.

Следом пришёл Роман Бакшеев. Она знала его по сборочному двору: длиннорукий, смуглый, с полосой светлой кожи там, где обычно проходила защитная повязка. Роман был из судомонтажников, ходил между корпусами так уверенно, словно вода под ними ничего не изменит.

— Открыто? — спросил он.

— Нет.

— Мне только глянуть нижний ввод. Вчера не успели проверить.

— Рудой сказал, монтаж не закончен. Не пускать.

Роман приподнял брови, затем улыбнулся одним углом рта.

— Он это про мой монтаж и сказал. Я его делаю.

Мила почувствовала, как неприятно стало лицу. Роман ждал. Пропустить — значит, он всё равно прав. Не пропу-

ститъ — стоять здесь душой перед человеком, который знает каждую стенку этой лодки.

— Позовите его, — сказала она.

Он кивнул и пошёл искать. Не стал спорить, от чего стало ещё досаднее.

Когда собрались все шестеро, Рудой вывел их из сборочного двора и повёл к длинному низкому зданию за тепловой станцией. Трое шли в куртках транспортной службы: Мила, Фёдор Легостаев и Лиан Дуарте. Остальные были одеты кто во что. Юна Сурикова, маленькая светловолосая наладчица, несла в сетке собственные тапочки; Анвар, которого Мила раньше видела у насосной, на ходу пытался что-то отправить по связи. Роман шёл последним.

— Подождите с домом, — сказал Рудой Анвару.

— Я по работе, — ответил Анвар.

Рудой остановился.

— Значит, с работой. До конца занятия.

Анвар убрал прибор. Юна хихикнула, прикрыв рот рукавом. Мила сразу решила, что с ней можно будет разговаривать.

Внутри низкого здания пахло тёплой водой и средством для мытья пола. Учебный бассейн раньше служил теплотехнической группе: в нём проверяли плавающие линии, соединения и маленькие рабочие машины. Теперь оборудование убрали, оставили лестницы, высокий помост и длинный мягкий плот, привязанный к двум береговым стойкам.

Рудой поставил их вдоль бортика.

— Вчера вы все стали морскими людьми. Сегодня проверим, что вы вообще умеете в воде. Кто плавает?

Роман поднял руку. Потом Анвар. Фёдор после короткого колебания тоже.

— Где учились?

Роман назвал старый спортивный бассейн в Ступенях. Анвар — такой же, в другом городе. Фёдор сказал, что в детстве занимался и теперь, наверное, вспомнит.

— Я в двадцать девять тоже думал, что всё вспомню, — сказал Рудой Роману. — Начнём с простого.

Мила обрадовалась, что он не спросил, почему остальные ничего не умеют. В Ступенях открытая вода существовала в нескольких закрытых сооружениях. В школьном бассейне она была дважды, на общем занятии, и оба раза больше слушала, чем плавала. Потом их группу перенесли из-за ремонта, а к следующему набору она уже считала себя взрослой для детской секции.

Она умела управлять грузовой платформой, чувствовала расстояние до стенки, по звуку замечала неправильно закреплённый ящик. Здесь всё это осталось в раздевалке вместе с ботинками.

Рудой не полез в воду первым. Позвал женщину в тёмной короткой одежде, представил: инструктор Ася. Она стояла у них за спиной всё время, но Мила принимала её за сотрудницу здания.

— На воде сегодня она главная, — сказал Рудой. — Я отвечаю за остальное.

Ася попросила показать руки, затем каждому подобрала жилет и проверила застёжки. Юна попыталась затянуть свой покрепче, но женщина ослабила нижнюю ленту, объяснив, что дышать всё же придётся. Фёдор спросил, будут ли они прыгать с помоста. Ася посмотрела на его ноги и ответила, что сперва надо научиться выходить по лестнице.

Миле досталось место рядом с Юной. Они спустились в мелкую часть, держась за поручни. Вода оказалась теплее воздуха; после прохладной раздевалки хотелось присесть в неё по плечи. Юна сразу так и сделала, подняла подбородок и довольно зажмурилась.

— Работать бы тут.

— У тебя же тепло, — сказала Мила.

— У меня оно в трубе. Разница огромная.

Им велели отойти от лестницы. Мила отпустила поручень, сделала два шага, попробовала поднять ступни. Жилет держал грудь высоко, ноги ушли вперёд, и она села на воду так неожиданно, что успела хлебнуть носом. Сразу встала, кашля и злясь.

Ася была рядом.

— Не спешите вставать. Я держу. Посмотрите на потолок.

Мила посмотрела, всё ещё ожидая, что сейчас опрокинет-ся и вода накроет лицо. Но женская ладонь лежала у неё под затылком, жилет держал тело, потолок оставался наверху. В

длинной световой полосе не хватало одного сегмента. Она успела его рассмотреть и только тогда заметила, что ноги тоже лежат на воде.

Юна рядом засмеялась от удовольствия. Мила не могла смеяться — боялась ещё раз вдохнуть воду, — зато вдруг очень захотела, чтобы мать сейчас это увидела.

* * *

За два часа они ни разу не коснулись штурвала.

Мила научилась лежать, поворачиваться к лестнице и выходить, не цепляясь коленом за нижнюю ступень. Дважды ей казалось, что она уже поняла всё нужное; оба раза Ася просила повторить, и повторение выходило хуже. Когда они выбрались на бортик, кожа на пальцах сморщилась, а ноги стали неуверенными.

Только после этого Рудой отвязал один конец плота и попросил Романа с Фёдором подвести его к лестнице. Те взялись с двух сторон, потянули, и мягкий край ушёл под воду. Юна, уже собравшаяся на него ступить, остановилась.

— Ещё раз, — сказал Рудой.

Роман отпустил свою сторону, Фёдор нет. Плот развернуло. Фёдор начал перехватывать конец, зацепился ладонью за застёжку собственного жилета и выругался. Рудой подождал, пока оба перестанут торопиться, затем дал им попробовать по очереди.

Мила смотрела, как большая вещь продолжает двигаться после того, как её отпустили. В грузовом дворе она тоже знала такое движение, но там под ногами оставался пол, а нужную сторону можно было обозначить людям знакомым расстоянием. Здесь конец плота уходил от кромки, подплывал обратно, прижимался к лестнице. Они всё время пытались остановить его на мгновение раньше или позже.

Когда дошла очередь до неё, Мила не потянула сразу. Посмотрела, как вода возвращает мягкий край к стенке, придержала его, затем подвела ближе. Получилось медленно. Рудой ничего не сказал, и она уже по его молчанию поняла, что этого пока достаточно.

Потом он сам ступил на плот.

Тяжёлый человек двигался осторожно, держась за оставшийся закреплённым конец. Мягкая поверхность под ним не просто просела — приняла длинный пологий изгиб, который не успел выпрямиться до следующего шага. Рудой остановился посередине, подождал и повернулся к ним.

— На Земле я бы дошёл быстрее.

— А здесь? — спросил Лиан.

— Здесь только что увидели.

— Значит, и корабль будет сильнее качать?

Рудой посмотрел на открывшуюся кромку воды.

— Иначе. Для «сильнее» мне пока не хватает моря.

Он вернулся, дал каждому по одному пройти под страховкой. Мила добралась до середины, почувствовала, как плот

продолжает менять форму уже после её остановки, и внезапно перестала завидовать тем, кто умел плавать. Они тоже стояли на нём с таким видом, словно под ногами возникла совершенно новая неприятность.

После занятия Рудой задержал их у выхода.

— На месяц приняты все. Дальше — по работе. Кто не захочет продолжать, скажет до того, как его включают в экипаж. Не после. И ещё: фамилии я знаю, родителей ваших не принимаю на службу. Вопросы мне задавайте сами.

Мила почувствовала, как покраснела шея. Он смотрел на всех, но ей всё равно показалось, что только на неё.

Роман спросил о завтрашнем монтаже. Рудой разрешил ему работать в рубке при снятом питании и открытой записи наряда. Они отошли обсуждать ввод, а Мила задержалась возле Юны, которая не могла натянуть носок на влажную пятку.

— Хочешь, подержу?

— Ногу?

— Землю под ней.

Юна хохотнула, села обратно на лавку и наконец справилась. За окном светлело новое море. Из бассейна его не было видно, но здесь, у входной двери, между зданиями открывалась тёмная полоска.

Они постояли рядом. Юна оказалась на два года старше Милы, приехала из северного теплового посёлка, откуда до Порога приходилось добираться с двумя пересадками. Жи-

ла втроём с другими работницами и спала у стены, которая стыла раньше остальных. Её привлекала не дальняя морская судьба, а обещанное тёплое место в экипаже.

— На судне же топят, — сказала она.

— Если ты сделаешь.

— Вот именно. Сама сделаю, сама посижу.

Мила долго смеялась по дороге домой. Голод был такой, словно они уже пересекли всё будущее море, а на берегу никто не догадался приготовить им ужин.

Артём стоял у двери с двумя сумками. Одну Мила узнала: с ней он приехал. Вторую успел наполнить чем-то местным.

— Уже уезжаешь?

— У меня передача. Вечером ещё начну, сэкономлю полдня. Как занятие?

— Мокрое.

Он посмотрел на её высохшие волосы, торчащие возле ушей.

— Хочешь есть?

— Нет. Я хочу всё, что есть.

Он впустил её, поставил сумки у порога и разогрел оставшееся. Мать ещё не вернулась. На столе лежал её праздничный камень, вынутый из куртки; рядом — та самая прозрачная пластина с солью. Мила взяла пластину, покрутила.

— Это нам?

— Матери. Не пробуй на зуб.

— Я похожа на человека, который ест подарки?

Артём посмотрел на пустую тарелку перед ней и поднял вторую.

— Ещё?

Она протянула обе руки. Он положил добавку, сел напротив, хотя транспорт уже ждал на улице.

Мила рассказала про потолок с пропущенным светом, про плот, про Рудого, который сам ещё не знал, как их будет качать. Отец слушал внимательнее, чем обычно слушают разговоры о первом занятии. Когда она дошла до Юны, он спросил, кто из тепловой службы её отпустил и останется ли она на прежних сменах.

— Пап, я не нанимала её к тебе.

— Я пока только интересуюсь.

— Ты так же интересовался Славой. Теперь он вам по ночам возит.

— За плату. И очень хорошо возит.

Мила вернула пластину на стол. Артём ещё раз посмотрел на время и поднялся.

— Матери скажи, я добрался до машины. Потом напишу сам. Через три дня вернусь, как договорились.

Он наклонился, поцеловал дочь в макушку. Мила обняла его за пояс и на секунду крепко прижалась лбом к животу. Раньше он всегда смеялся, когда она так делала; сейчас погладил по волосам и подождал, пока отпустит сама.

За дверью ветер зашуршал по дорожке. Мила услышала, как отец поставил сумки в машину, попрощался с кем-то

знакомым и начал спрашивать водителя, почему тот выбрал верхний объезд. Потом сам вспомнил и засмеялся.

Глава 5. Полоса

На одиннадцатые сутки вода добралась до места, где лодка ждала спуска.

За это время залив успел изменить цвет, отступить на глазах у встревоженных посетителей и вернуться. Первое отступление вызвало в посёлке столько разговоров, что Динаре пришлось самой выйти к людям и показать ветер, гнавший мелкую прибрежную воду в сторону глубокой части. У кого-то уже была готова история о дыре на дне. История пережила объяснение и теперь рассказывалась как то, чего им едва удалось избежать.

Динара больше не ходила смотреть на море каждое утро. Она работала у воды. Между этими занятиями оказалось неожиданно мало общего.

Новые трещины на высоком сухом борту чаши, мутная полоса у первого затопленного шурфа, несоответствие двух измерителей — всё требовало места в дне. Панов повышал расход по принятому графику, а Динара с группой проверяла, что происходит за укреплённым выпуском. График не позволял дать морю всю воду сразу, даже когда в приёмную приходили сердитые владельцы будущих кафе: к празднику они успели привезти столики, а до настоящей кромки всё ещё было слишком далеко.

В день спуска она задержалась у последнего поста долъ-

ше, чем собиралась. Пока возвращалась в Порог, Мила уже успела прислать три сообщения. Первое: «Мы готовы». Второе: «Ты где?» Третье было фотографией часов на запястье Рудого.

Динара попросила водителя остановить у верхнего въезда и пошла вниз пешком. Бежать на холодном ветру не хотелось; на середине склона она всё-таки побежала, придерживая сумку под локтем.

Лодка стояла у наклонного берега, по которому в воду уходили направляющие. Синяя полоса на борту сохранила ту же смешную высокую волну возле крепления. Под ней появились аккуратные чёрные буквы: «Полоса».

Мила ждала возле ограждения. На ней был красный жилет поверх тёмной куртки. Она посмотрела на мать, затем на её сумку.

— Там камни?

— Приборы.

— Рудой сказал, ничего лишнего на первый выход.

— Это рабочий выход.

— Он сказал, ты именно так ответишь.

Динара подошла к судоводителю. Рудой проверял с Романом крепление бокового ограждения. Он не выпрямился сразу, закончил покачивать стойку, дождался ответа Бакшева и только после этого посмотрел на неё.

— Динара Ильинична. Вы с нами до поста или просто спуск посмотреть?

— До поста. Нижняя группа ждёт пробы. Мне нужно самой увидеть западный край.

— Тогда сумку дадите Роману. Он закрепит. В рубку с ней не надо.

Она отдала сумку, не споря. После одиннадцати дней совещаний это неожиданно принесло облегчение. Кто-то другой уже решил, куда деть её вещи.

За ограждением собрались зрители. Их было меньше, чем при выпуске, но к направляющим они подошли ближе, и работникам пришлось несколько раз отодвигать людей. Среди них Динара увидела Артёма. Он держал в руке тонкую белую ветку со свежими листьями.

— Это ещё зачем? — спросила она.

— Поздравить судно. Всё равно не разрешили ничего разбивать.

Рудой посмотрел на ветку.

— В воду не бросать.

— Знаю. Она и сама не хочет.

Артём показал нижний конец: ветка росла в маленьком свёрнутом пакете с влажной средой. Динара узнала саженец из его первого контейнера. Растение выдержало дорогу и теперь собиралось участвовать в ещё одном семейном событии, на которое его не спрашивали.

— Пусть на берегу остаётся, — сказала она.

— Так я ему здесь место и ищу.

Мила подошла, быстро коснулась листа пальцем и побе-

жала к своему месту. Сегодня их было на борту четверо: Рудой, Роман, Мила и Динара. Остальные ученики должны были выходить позже, по очереди, в короткие учебные рейсы. Юна стояла у берега и делала вид, что совсем не завидует. Анвар проверял связь между постом и лодкой, Лиан с Фёдором помогали наземной смене.

Пуск был простым. От людей он потребовал больше терпения, чем торжественности.

Лодка медленно съехала по направляющим. Когда вода приняла часть её веса, корпус чуть изменил положение, платформа остановилась, и Рудой попросил всех подождать. Роман смотрел вниз, туда, где расходились опоры. На берегу один из работников поднял руку. Динара не видела, что он проверяет, только заметила, как Мила повторяет глазами каждое движение.

Потом опоры остались позади.

Лодка легко поднялась и опустилась. Почти незаметно, будто кто-то подложил под пол мягкую вещь. Динара пошевелила ступнями, стараясь понять, что изменилось. Её тело поняло раньше головы: привычного твёрдого продолжения под подошвой больше не было.

Рудой стоял у управления. Роман убрал последний временный конец, проверил его место и крикнул, что палуба свободна. Мила находилась рядом с ним, держась за поручень, как её учили. Динара села на указанное место и застегнула ремень. На берегу Артём поднял свою ветку.

— Название принято? — спросил Рудой.

— Всеми, кто здесь главный, — ответил Роман.

— Значит, никем. «Полоса», отходим.

Берег начал двигаться вбок.

Динара знала, что движутся они, но впечатление было именно таким: люди, направляющие, белая ветка в руке мужа медленно уходили влево, а вода оставалась вокруг лодки. Она подняла ладонь. Артём что-то крикнул; слов уже не разобрать, только знакомая весёлая интонация догнала их над плеском.

Они прошли вдоль подготовленного маршрута, не приближаясь к свежим осыпям. Рудой держал небольшую скорость. Мила смотрела на экран, потом на берег, опять на экран, пока он не сказал:

— Покажите мне следующий знак.

Она указала на жёлтую стойку.

— А рядом что?

— Выход старой дороги.

— Вот и смотрите на него тоже. Знак здесь на неделю. Дорога дольше.

— Она под водой будет.

— Не вся.

Мила пригляделась, нашла верхний сухой участок, который спускался с серого склона и пропадал в заливе. Динара едва удержалась от желания объяснить, какой поворот там скрыт. Ей нравилось, что дочь учится читать её дно, и хоте-

лось показать сразу слишком многое.

У нижнего поста лодку ждали двое.

Каменная гряда, ещё недавно связанная с берегом, стала островком. Пост стоял на высокой площадке; к воде от него спускалась временная лесенка. Рядом тянулся плавающий причал, собранный из тёмных секций. Один работник держал мешок с отобранными пробами, другой показывал Рудому, куда лучше подойти.

Рудой не пошёл прямо на его руку. Снизил ход, попросил Романа проверить расстояние до внешней опоры и только потом приблизился. Лодка продолжала скользить, хотя двигатель уже замолк. Мила перевела взгляд на капитана. Он видел её, но объяснять сейчас не стал.

Причал коснулся борта мягко, затем с неожиданно громким скрипом прошёл вдоль защиты. Роман закрепил лодку. Вода между секциями жила своей мелкой неровной жизнью; зазор то раскрывался, то сужался. Динара подождала, пока Роман поставит сходню и проверит её, и только после его знака встала.

На посту пахло прежним: тёплой пылью, металлом, густым питьём из общей ёмкости. За стеклом уже была вода. Один из работников, Сергей, стоял у стола и не переставал улыбаться.

— Ночью проснулся — кто-то под домом скребёт. Думал, ребята снаружи возятся. Потом вспомнил.

Динара поставила на стол привезённый прибор. Сергей

подал ей контейнеры; они вместе сверили метки и время отбора. У западного края вода мутнела после ветра, но контроль опасных примесей держался в принятом коридоре. Динара открыла соседний ряд наблюдений. Расхождение двух измерителей исчезло после очистки приёмной части одного из них, однако вчерашние значения оставили в записи с пометкой.

Она спросила о свежем обвале. Сергей показал место, где со склона сошёл тонкий пласт влажного грунта. Из окна он казался маленьким тёмным пятном.

— Не подходили, — сказал он. — Сняли от гряды. Думаем, ещё будет ползти.

Динара просмотрела изображения и попросила оставить полосу закрытой до нового осмотра. Работа заняла почти час. Когда она вышла, Мила стояла на причале с Рудым и держала маленькую карту на жёсткой подложке. Роман сидел на ступеньке, подтягивал крепление у носа.

— Что случилось?

— Ничего, — сказал он. — Вот и поправляю, пока ничего. Мила подняла глаза от карты.

— Назад поведу я.

Динара посмотрела на Рудого. Тот пожал плечами.

— Под моим управлением. Если не мешать.

Она вернулась на своё место, пристегнулась и решила смотреть только в окно.

Удержать это решение ей не удалось.

Мила сидела у управления слишком прямо. Рудой стоял рядом, одной рукой держался за поручень над головой. Говорил мало, иногда касался края экрана. Лодка сначала взяла в сторону, дочь поправила, затем поправила обратно, и берег за окном начал медленно раскачиваться.

— Меньше, — сказал Рудой.

— Вижу.

— Не поправляйте то, что уже исправили. Дождитесь.

Мила дождалась. Лодка выровнялась. Динара сжала пальцами ремень у бедра и постаралась расслабить плечи. Когда дочь в детстве училась ходить по высокой лестнице без взрослой руки, мать смотрела примерно так же. Динара вытягивала голову на каждом отклонении.

Роман заметил и негромко сказал:

— Я вот свою младшую как-то учил платформу вести. Сам за стойку держался, аж крепление потом меняли.

— Сестру?

— Да. Ей тогда шестнадцать было. Сейчас мой груз не доверяет другим.

Он улыбнулся, посмотрел на Милу. Дочь у управления уже не сидела так прямо; плечи опустились, голова чуть повернулась в сторону разговора. Динара подвинулась, осво-

бождая Роману место у бокового окна.

У мелкого залива они встретили первую настоящую волну.

Она пришла сбоку, небольшая, с тёмным гладким склоном. Корпус поднялся под Динарой, задержался наверху дольше, чем она ожидала, затем медленно пошёл вниз. В животе сделалось пусто. Мила перестала дышать и повернула голову к Рудому.

— Вперёд смотрите.

Следующая волна была ниже. Лодка ещё не закончила прежнего движения, когда получила новое, и в рубке заскрипела плохо закреплённая панель. Роман сразу поднялся, придержал её ладонью. Динара увидела, как он упирается ногами, и почувствовала волну уже не животом, а через чужую работу.

— Хорошо, — сказал Рудой.

Мила повернула было голову к нему.

— Это я про волну. Держите прежний.

Дочь рассмеялась коротко, от напряжения, и снова уставилась вперёд. Динара сидела молча. Ей стало нехорошо, но это нехорошо было так близко к счастью, что она не сразу могла их разделить.

К берегу Рудой подошёл сам. Мила уступила место без спора, вышла на палубу помогать Роману. «Полоса» остановилась возле направляющих, где теперь оставили временную посадочную секцию. Артёма уже не было; у ограды стояли

Юна и ещё несколько человек.

Когда Динара сошла, земля под ней некоторое время продолжала двигаться. Юна подала ей руку.

— Хорошо покатались?

— Да.

— Вы зелёная.

— Это от хорошего.

Мила услышала и засмеялась. Красный жилет сделал её шире и старше; волосы у висков высохли неровными прядями, на нижней губе темнела трещинка. Она смотрела на лодку с таким лицом, с каким люди смотрят на человека после первого долгого разговора.

Рудой снял жилет последним. На секунду задержался у воды, не разговаривая ни с кем. Потом поднял голову, увидел Динару.

— Поздравляю.

— С чем теперь?

— С морем. Вчера у меня его ещё не было.

Он пошёл к ученикам. Мила с Юной уже спорили, кому достанется следующее место у управления. Роман вмешался, сказал что-то тихо, обе обернулись к нему и засмеялись. Динара постояла ещё немного, пока живот не успокоился, затем забрала закреплённую в лодке сумку и отправилась наверх.

Возле дома Артём возился с землёй. Он устроил свой саженец в широком защищённом ящике у южной стены, закрепил над ним прозрачный колпак и теперь пытался поставить

так, чтобы ветка не касалась покрытия.

— Не на берегу? — спросила Динара.

— На берегу пока всё кому-нибудь нужно. Здесь хотя бы видно будет, если начнёт мёрзнуть.

Он выпрямился, разогнул спину и только тогда заметил её лицо.

— Укачало?

— Немного.

— А я хотел завтра проситься.

— Просись. Очень хорошо.

Он рассмеялся, не зная, верить ли. Динара поставила сумку у двери, вернулась и поцеловала его в холодную щёку. От мужа пахло влажной землёй. От её рукава — новой водой, которой она ещё не умела дать привычного имени.

Глава 6. Высокий город

В Ступенях Динару встретил запах старого дома.

Он начинался ещё у входного шлюза: тёплый металл, чистящее средство и слабая влажная сладость растений за стеной. За годы работы внизу она привыкла к пыли, которая свободно входила вместе с человеком. Здесь воздух сначала принимала машина, потом гардероб, потом длинный переход, и лишь после этого посетителя впускали в город.

Динара сняла дорожную маску и повесила на грудной зажим. На высоте, снаружи защищённых зданий, она всё ещё пользовалась ею; достаточно было спуститься в низину, чтобы эта часть одежды стала похожа на пережиток чужой эпохи. Мила в детстве считала, что взрослые специально построили Ступени так высоко, чтобы никто не мог убежать погулять. Теперь дочь смеялась над старым городом иначе, но всякий раз, когда ей требовался сложный ремонт или хороший учебный стенд, ехала сюда.

По переходу шли люди с сумками, разговаривали в общие приборы, тащили детей за руки. Над выходом в жилую часть висела большая запись нового моря. Сняли удачно: на переднем плане белела тонкая волна, дальше тянулась тёмная вода, а весь незаполненный дальний край остался за рамкой. Рядом показывали квартиры, которые можно было купить в Пороге до окончания строительства.

Динара задержалась у изображения. Её собственное лицо появилось на секунду, исчезло, уступив место счастливой семье на балконе. Балкон пока существовал только внутри рекламной картинки.

— Хорошо получилась, — сказал знакомый голос.

Софья Климова стояла у боковой двери, держа под мышкой плоскую папку. Председательница городского хозяйственного совета была невысокой, коренастой и носила домашнего вида серое платье с большими карманами. Динара не видела её несколько месяцев; за это время Климова перестала красить волосы и сразу стала похожа на собственную мать, которая когда-то заведовала первым общественным пищевым залом Ступеней.

— Я или квартира?

— Квартира лучше. Ей пока не приходится разговаривать.

Они обнялись коротко. Софья повела её в городское управление через жилой ряд, без обычного парадного перехода.

— У нас сегодня отопление смотрят. В центральном сидеть душно. Пойдём низом.

Низом означало мимо школы, прачечной и старой ремонтной мастерской, где Динара когда-то покупала запасной ремень для домашнего подъёмника. Подъёмник понадобился после рождения Милы: в их первом жилье спальное место было наверху, а таскать ребёнка по лестнице быстро надоело обоим. Сейчас мастерская продавала морские обогреватели,

и ремней на витрине не было.

Софья заметила её взгляд.

— Перестраиваются.

— Хорошо.

— Кому как. Хозяин доволен. Два ученика уехали вниз и теперь работают у того, кто ему поставляет эти ящики. Он ругается. Правда, платил им меньше.

Динара улыбнулась. Здесь всё оставалось узнаваемым: даже большое новое море успевало превратиться в спор знакомых людей о жалованье.

В управлении их ждали трое. Начальник перевозок, тот самый, что в день пуска жаловался на дорогу; женщина из городского водного хозяйства; Рейн с пустой чашкой. Он поднялся, предложил Динаре место рядом. На столе уже была её схема, только поверх моря лежали совсем другие линии.

Климова не стала начинать с поздравлений.

— У меня исчезло двадцать семь грузовых смен за девять дней. Не работников. Смен. Люди ещё здесь, а заказов на них нет. Часть перевозят вокруг, часть держат до водного маршрута. Мне нужно знать, как долго держать людей.

Динара открыла график наполнения. Климова остановила её ладонью.

— Не море. Перевозку.

Рейн назвал сроки первого регулярного грузового выхода. Пока речь шла о небольших массах по одному проверенному пути, с береговой перегрузкой. Динара видела, как на-

чальник перевозок прикидывает новую работу: людей у него оставалось больше, чем требовалось для подъезда к единственной лодке.

— Мы можем брать ваших в береговую службу, — сказал Рейн. — Там тоже нужны водители.

— Вы берёте тех, кто переезжает, — ответила Климова. — Мои не все переедут. У человека жена в школе, мать за стенкой, жильё выплачено. Он не обязан стать моряком, потому что у нас красивый новый берег.

— Не обязан, — сказал Рейн. — А я не могу платить ему за прежнюю дорогу, если прежняя дорога теперь под водой.

Климова повернулась к Динаре.

— Мы одобрили затопление. Это не новый спор. У нас был переходный план. В плане наземный обход должен был принять поток до первого регулярного водного рейса.

Динара нашла нужный документ. План был подлинный, её подпись в нём стояла на прежнем месте. Строительство обхода закончили; на готовую дорогу теперь попало больше тяжёлых машин, чем закладывали, потому что часть береговых строительных работ началась раньше. Она посмотрела на Рейна.

— Ваш грузовой двор.

— Не только. Там ещё два частных корпуса и тепло Артёма.

Она не ответила. Фамилию мужа не произнесли, и от этого она слышала её ещё яснее.

Начальник перевозок открыл записи последних суток. Динара прочла последовательность задержек. На дороге не произошло ничего похожего на большую аварию: встречная тяжёлая машина, очередь у узкого участка, остановка на проверку покрытия, ещё одна очередь. Люди каждый раз теряли немного времени, потом эти небольшие потери складывались в смену, за которую никто не хотел платить.

Она отложила график моря и придвинула к себе наземную карту.

— Если разделить выходы по времени, можно развести тяжёлые и пассажирские. На несколько недель. Но часть груза пойдёт ночью.

— На несколько недель? — переспросила Софья.

— До рабочего водного маршрута. Не до полного наполнения.

— Вы сами будете объяснять строителям, почему их машины стоят до ночи?

— Буду.

Рейн отпил из пустой чашки, обнаружил, что в ней ничего нет, и поставил обратно. Затем открыл свой список подрядчиков.

Договорились не сразу. Смена режима стоила доплат, световых стоянок и лишнего времени людям, которые собирались быстро заработать у нового берега. Рейн предложил взять часть из согласованной статьи организации грузового двора. Динара отдала из пускового резерва средства на вре-

менный пост и наблюдение за покрытием. Софья оставила у города ответственность за расписание, но потребовала ежесуточную запись задержек, чтобы через неделю опять не оказаться с одними обещаниями.

Когда закончили, начальник перевозок протянул Динаре руку.

— Я, кстати, воду посмотрел ещё раз. Без начальства. Красиво.

— А вы всё равно сердитесь.

— Одно другому не мешает.

Он ушёл первым. Женщина из водного хозяйства осталась.

Её звали Галина Шор. Динара знала её давно, ещё по спору о том, можно ли кормить новую низину из одной со Ступенями подготовленной ветви. Тогда город сохранил отдельную очередь питьевого снабжения, а проекту пришлось достраивать часть очистки. Сейчас Шор положила на стол небольшой пакет.

В нём была прозрачная вода. Для сравнения с морем её даже не пришлось выливать.

— С нашим выпуском всё прежнее, — сказала она. — Я хотела, чтобы вы это увидели. В городе начали спрашивать, не станет ли у нас солёное из-за вашего моря.

— Не станет.

— Я им так и говорю. Только они видят, как все едут вниз, и думают, что хорошее теперь тоже уйдёт туда.

Динара подняла пакет к свету. Внутри колебался маленький пузырьёк воздуха. Вся их огромная водная история на столе снова стала такой простой, что её можно было держать одной рукой.

— Я запишу обращение, — сказала она.

Шор поморщилась.

— Приезжайте лучше на открытый день. Посмотрите старую очистку при людях. Они вас знают. А обращений у нас весь переход полон.

Рейн негромко засмеялся. Динара согласилась приехать через две недели, если режим пуска позволит. Шор попросила назвать подтверждение за три дня до даты и забрала пакет: вода ей ещё была нужна для другой встречи.

* * *

После управления Динара пошла на коммунальный склад. При переезде в Порог они оставили здесь вещи, которые не требовались немедленно: часть рабочего запаса Артёма и маленький семейный ящик. За хранение продолжали платить, хотя муж уже несколько раз просил разобрать остаток. Сегодня Динара обещала забрать хотя бы семейное.

Софья пошла с ней. У склада пришлось подождать, пока привезут ящик из внутренней части. Вдоль стены стояли чужие упакованные вещи; один широкий тёмный свёрток занял половину прохода. На бирке было написано, что его

отправляют в Порог. Динара попыталась угадать форму, не смогла.

— Музыкальный инструмент, — сказала Софья. — Видела заявку. Там зал открывают.

Динара обошла свёрток, посмотрела на нижние крепления. Кто-то просто решил, что внизу теперь потребуется музыка, и уже оплатил её перевозку.

Семейный ящик вынесли следом. Лёгкий, с одним сорванным углом. Динара поставила его на лавку в общем переходе, проверила содержимое по старой записи. Две тканевые полосы с детскими рисунками, накопитель, треснувшая фигурка птицы, несколько земных фотографий. Софья задержалась, присела рядом.

На верхнем снимке была Астрахань. Река, тесный край берега, Динара лет семнадцати, наклонившаяся к воде так, что длинные волосы закрыли лицо. Фотографировал отец. Она помнила, что рассердилась на него из-за испорченного снимка: он не подождал, пока она повернётся.

Теперь отца не было, волосы давно не лежали так тяжело на спине, а река на плоском старом изображении продолжала двигаться ровно тем светом, который попал в камеру.

— Вот откуда у тебя, — сказала Софья.

Динара покачала головой.

— У меня не из фотографии. Тогда я хотела уехать отсюда куда угодно.

— Из Астрахани?

— Из-под родительских глаз. Из школы. Из того, что все уже знают, какой я стану. Вода там просто была.

Софья взяла снимок осторожно за край. У неё самой не было земного детства; на старые реки она смотрела с тем же недоверчивым вниманием, с каким Динара когда-то смотрела на первые изображения преобразованной низины.

— А теперь ты делаешь, чтобы просто была у нас.

— Теперь я хочу ещё много чего.

Она сказала это резче, чем собиралась. Софья вернула снимок.

— Знаю. Поэтому я и позвала тебя сегодня. Пока у нас ещё одно управление на несколько разных желаний.

Динара закрыла ящик. На дальней стене включился очередной рекламный ролик; над сухим проходом пошла широкая новая волна. Двое детей остановились посмотреть, потом один попытался перепрыгнуть воображаемую воду на полу. Второй не стал повторять, обошёл нарисованную тень и побежал догонять.

На обратном рейсе Динара сидела у окна. Город долго оставался за спиной, выстроенный в склон, соединённый тёплыми переходами. Издали его отдельные жилые части казались этажами одного огромного дома. Дорога уходила вниз; там воздух уже не требовал маски, появились редкие открытые площадки, ряды молодых защищённых посадок и светлая чаша, в которую она выпустила воду.

Она достала прибор и написала Артёму: «Нашла ящик.

Везу. Как у тебя?»

Он ответил, когда машина добралась до нижнего поворота: «Одну секцию не приняли. Уплотнение. Сижу ругаюсь. Хлеб есть?»

Динара написала, что привезёт. В Ступенях хлеб она не купила; придётся искать в Пороге. Ящик с земной рекой лежал у неё на коленях и слегка подрагивал на каждом неровном участке верхнего объезда.

Глава 7. Ночная вода

В первом самостоятельном рабочем выходе Мила везла шесть мешков, двух людей и новый береговой адрес.

Мешки были с крепежом для нового поста. Люди — сменщик и связистка, которая ехала проверить наружный приёмник. Адрес лежал в длинном плоском чехле: металлическая табличка, заказанная самими работниками. Вместо номера они захотели написать на доме «Косой мыс». Пока это не меняло служебной карты, зато позволяло объяснять детям, где живёшь, двумя человеческими словами.

Рудой стоял у причала и смотрел, как Мила пытается найти чехлу безопасное место.

— У вас груз принят?

— Кроме адреса.

— Он вне ведомости?

— Пока вне всего. Ему везде плохо.

Роман протянул руки.

— Дайте. Он со мной.

Мила отдала чехол. Роман поместил его в свободный углублённый ящик, подложил сложенную ткань и закрепил, чтобы новая краска не тёрлась о стенку. За шесть недель он успел придумать для «Полосы» несколько приспособлений, которые Рудой сперва называл лишними, а потом начинал требовать на каждом выходе. Мила замечала, что ни один

из них не вспоминает первого разговора при свидетелях. На полке возле малого судового нагревателя стояли две упаковки ужина из столовой; их Роман тоже закрепил, прежде чем закрыть ящик.

Сегодня главным на судне был Бакшеев. По первому допуску он мог вести короткий рабочий рейс с одним из учеников у управления. Миле пока разрешили лишь известный дневной маршрут под наблюдением. На ночное возвращение разрешение дал Рудой отдельно: погода спокойная, путь проверен, береговые посты на связи. Сам он оставался готовить следующую смену на второй лодке, которая только вчера пришла из сборочного двора.

Мила помнила, как мать после первого месяца курса спросила, не обидно ли всё ещё плавать под чужой рукой. Ей не было обидно. Она впервые с такой ясностью знала, чего пока не умеет, и хотела, чтобы рядом находился человек, которому можно это сказать без семейного продолжения разговора.

Юна провожала их с берега. Её сегодняшнее занятие закончилось раньше; после него она вернулась на тепловую смену и теперь пришла в рабочей куртке, от которой тянуло горячей резиной.

— Если у вас там уютно, я перееду, — сказала она.

— Там три сиденья. Одно у управления, — ответила Мила.

— Тогда остальные не занимайте.

Они ещё смеялись, когда «Полоса» отошла.

К этому времени море разрослось за первый мыс. Верхушки двух бывших гряд стали отдельными тёмными островами. На дальнем плоском краю вода уходила так широко, что увидеть её конец уже мешала дымка. Динара говорила, что объём всё ещё мал по сравнению с проектным; Мила всякий раз пыталась представить, сколько ещё пустого пространства можно наполнить, чтобы это осталось той же самой вещью.

На новом посту была только площадка, дом и временная система приёма грузов. Постоянный причал ещё строили. Пришлось подождать, пока береговая смена опустит наружную секцию и проверит крепление. Связистка недовольно посмотрела на время, но Мила уже начинала привыкать к тому, что на воде ждут не так, как в грузовом дворе. Стоять можно было долго, а потом требовалось одновременно встать, подать, принять, закрепить — и важно не торопиться именно в эту короткую часть.

Табличку приняли прежде мешков. Невысокий рыжий Виталий развернул чехол, провёл пальцем по краю, потом вынес на свет. Слова получились крупными, с жёлтой полосой внизу. Двое людей, занятых креплением секции, подошли посмотреть.

Они никак не могли решить, где повесить. Над дверью вывеску было видно с воды, но доставалось ветром. В защищённой нише она была целее, зато становилась похожа на одну из прежних технических табличек. Мила помогла связист-

ке вынести прибор, вернулась и увидела, как Виталий держит оба слова у входа, а остальные смотрят с причала. Роман предложил крепление под верхним козырьком. Его выслушали, нашли нужные детали и наконец приняли берег таким, каким сами его назвали.

Когда закончили, свет уже уходил с западной стороны чаши.

Оба пассажира оставались на посту. Виталий пригласил Милу с Романом остаться поесть. Роман посмотрел на неё. Она знала, что времени на хорошую длинную еду у них нет, и всё же очень хотела согласиться. В доме разговаривали о будущем: кто первым напишет сюда настоящее письмо, будут ли теперь заходить знакомые, когда на мысе появится вторая жилая часть.

— В следующий раз привезём почту, — сказала она.

— Привезите кого-нибудь, кто без работы зайдёт, — ответил Виталий. — Почта и так ходит.

Они засмеялись. Роман вымыл руки в доме, вышел, надел перчатки и некоторое время смотрел на воду перед посадкой. Мила стояла рядом и ждала, не перебивая. Новая табличка над дверью уже была частью вида: её хотелось увидеть ещё раз, прежде чем уходить в тёмную воду.

— Садитесь, — сказал он наконец. — Выйдем до темноты за мыс.

Ночью берег потерял размер.

Днём Мила видела камни, склоны, следы работы, могла вспомнить, где стоял человек, и понять расстояние до него. Теперь тёмные полосы слились. Огонь нижнего поста казался то близким, то удивительно далёким; хотелось прибавить ход, чтобы скорее добраться до знакомого, но Роман держал прежнюю малую скорость.

Мила сидела у управления. Экран показывал их положение, принятый маршрут и соседние предупреждения. Она знала, откуда приходят эти сведения: орбитальная навигация, местные береговые отметки, собственные приборы лодки. Рудой заставлял их проверять каждый канал отдельно, а потом сравнивать. До сегодняшней ночи это казалось ей упражнением на терпение. Теперь она была рада любому второму подтверждению.

Роман смотрел вперёд и время от времени просил назвать следующий участок. Вопросы у него получались не учительскими. Он будто сам хотел услышать, что перед ними, и Мила отвечала охотно.

— За серым мысом вправо. До внешней жёлтой. Потом на нижний пост.

— Глубины?

Она назвала коридор по текущему выпуску промеров.

Уровень воды за сутки поднялся; новые значения прислали перед выходом. Сухая карта, которую мать хранила в кабинете, уже не годилась для этого пути без поправок.

Вода пошла светлыми пятнами.

Сперва Мила решила, что это отражается приборная панель. Отвела яркость, посмотрела снова. Пятна остались, двигались над поверхностью, иногда соединялись в длинные полосы. Роман выпрямился и включил наружный боковой свет. Ближайший клубок стал белым, плотным, потом распался.

— Туман, — сказала Мила.

Она знала слово, видела изображения, была в маленькой паровой комнате после занятия в бассейне. Но там у тумана имелись стены. Здесь он возникал сам, над тёплой водой под холодным небом.

— Пока полосами, — сказал Роман. — Снижайте.

Она убрала ход. Нос лодки вошёл в белёсую полосу, и береговой огонь исчез. Ещё секунду Мила видела его как слабое размытое пятно, потом и это пропало. Снаружи остались только вода возле борта, часть белого ограждения и темнота за ними.

Роман передал обстановку нижнему посту. Там тоже видели туман с внешней стороны. У Порога, по сообщению диспетчера, оставалось чисто.

— Можем пройти по приборам, — сказала Мила.

Он не ответил сразу. Проверил соседние изображения,

посмотрел, как меняется поле перед носом.

— По известному коридору — можем. До подхода. Потом будем ждать. У причала ещё монтажные люди, у них двигаются секции. Вслепую не полезем.

Она кивнула, хотя он смотрел наружу и не видел. Хотелось сказать что-нибудь спокойное, очень профессиональное. Не нашла. Лишь крепче упёрлась ногами в пол.

Лодка шла так медленно, что Мила перестала чувствовать её поступательное движение. Панель не давала забыть, что они перемещаются, но тело говорило другое: сидят посреди чёрного круга, который качается сам по себе. В какой-то момент ей показалось, что слышно, как туман касается стекла.

Роман попросил отдать управление. Она уступила без облегчения: теперь оставалось только смотреть.

У нижнего поста они остановились в заранее проверенном глубоком кармане. Бакшеев закрепил положение лодки на стоянке и сообщил берегу время следующей связи. До Порога оставалось немного, но между ними и домом лежала полоса, в которой уже не было видно даже ближайшей жёлтой стойки.

Роман проверил тепло в рубке и только после этого снял перчатки. Поставил привезённые упаковки ужина в малый нагреватель.

— Будем есть?

Мила посмотрела на него с недоумением.

— Сейчас?

— Потом тоже можно. Но сейчас оно уже тёплое.

Он достал две упаковки, передал ей одну. Крупа с густой подливкой пахла знакомой столовой. Ложка лежала сверху, завёрнутая в чистую полоску. Мила открыла, поела и вдруг поняла, насколько устала держать плечи неподвижно.

За стеклом туман светился от их огней. Пришлось погасить лишние, оставить необходимые для стоянки и наблюдения. Белая стена сразу отдалилась, стала темнее. Внутри лодки было тепло, но воздух быстро наполнялся запахом влажной одежды и горячей еды.

— Вы на Земле были? — спросила Мила.

— Нет. С чего?

— Не знаю. Вы так спокойно.

Роман посмотрел на свою ложку.

— Я однажды девять часов сидел под поднятым корпусом, пока меняли наружную опору. Не там, где опасно. В соседнем сухом кармане. Выбраться можно было, только пришлось бы остановить всю работу. Там тоже ничего интересного не происходило. На третьем часу начинаешь слышать, как человек рядом думает о еде.

— И вы слышали?

— Нет. Это он меня услышал и сказал перестать вздыхать.

Мила улыбнулась и доела, подбирая ложкой остаток подливки со стенок упаковки.

Роман убрал пустое в пакет и открыл запись расхода. Тепло на стоянке, связь, питание лодки — всё продолжало по-

треблять запас, хотя они никуда не двигались. Он показал остаток и спросил, сколько времени она оставила бы на возвращение.

Мила посчитала. Потом оставила ещё часть на долгий подход.

— До утра хватит. С запасом на возвращение, — сказала она.

— Вот и я думаю.

Они вызвали пост, согласовали ожидание и по очереди устроились отдыхать. Спать обоим сразу не полагалось. Первый час наблюдал Роман. Мила легла боком на узком сиденье, подложила под голову сложенную куртку и закрыла глаза.

Лодка поскрипывала. Волна поднимала её медленно, оставляла наверху, потом выпускала. От этого сна не получалось, зато мысли перестали толкаться. Мила вспомнила материнский рисунок будущего берега: светлые дома, широкие дороги, всегда хорошая погода. Мать говорила, что это изображение только для представления масштаба, но Мила всё равно впервые почувствовала к нему лёгкую обиду. На красивой картинке не было маленького тёплого помещения, в котором чужой человек сидит у окна и сторожит её сон.

Она открыла глаза.

Роман смотрел наружу. В боковом свете его профиль казался незнакомым: длинный нос, тёмная щетина, шея над раскрытым воротом. Он повернул голову.

— Холодно?

— Нет.

— Тогда лежите. Я разбужу.

Она послушалась.

* * *

Вернулись они утром.

Туман разошёлся не сразу: сперва открыл нижний огонь, затем верхние очертания мыса и только после этого низкий световой ряд Порога. Когда Роман разрешил продолжить, Мила уже успела отстоять свои часы, дважды проверить связь и окончательно разувериться, что утро обязательно наступает в назначенное время.

У причала их ждал Рудой. Он принял запись, задал несколько вопросов и молча просмотрел остаток питания. Мила ожидала, что он скажет о первом тумане что-нибудь важное. Он спросил, куда в конце концов поставили новое название.

— Над дверью, — ответила она. — Под козырьком. С воды видно.

Рудой кивнул, записал оба слова в примечание к маршруту.

Он отправил их отдыхать. Только у выхода Мила увидела мать.

Динара стояла с двумя кружками, как Артём в первый ве-

чер моря. Не кинулась обнимать, не стала спрашивать, почему они не вернулись по приборам. Видимо, успела поговорить с Рудым. Мила взяла кружку, обхватила обеими ладонями.

— Папа знает?

— Да. У него сегодня важная промывка. Сказал, придёт, когда сможет оставить людей.

Мила кивнула. Вспомнила новую надпись над дверью, чужую шею у окна и вдруг засмеялась — тихо, устало, совершенно без причины, которую могла бы объяснить матери.

Динара улыбнулась в ответ.

— Ты чего?

— Не знаю.

Они пошли наверх вместе. На воде туман ещё держался в дальней стороне. У самого причала его уже не было, и новые люди торопливо спускались смотреть, как он уходит.

Глава 8. День без потолка

Купаться разрешили через полгода после пуска, и Динара обиделась, что разрешение подписала не она.

Шор прислала ей копию вместе с коротким сообщением: «Теперь приходите по-человечески». В состав комиссии вошли санитарная служба, химики, береговые спасатели и люди теплового узла. Динара присутствовала в их переписке как руководитель водного проекта, однако последний лист прошёл без её подписи. Она открыла его дважды, проверяя, не пропустили ли нужную строку, потом рассмеялась над собой и отправила дочери.

Мила ответила: «Видела. Я записала нас на утро».

«Ты работаешь».

«Смену переставила. Ты тоже».

Динара посмотрела на своё расписание. В нём действительно было пустое окно, которого вчера не существовало. Лада, получившая одновременно два семейных запроса, решила вопрос без дальнейшего участия начальницы.

Утром они встретились у нового пляжа.

Пляж назывался так пока по назначению. Вместо песка здесь лежала промытая мелкая каменная крошка, вместо деревьев стояли лёгкие защитные щиты, прикрывавшие людей от ветра. В тёплой полосе, далеко от прямого выхода подготовленной воды, устроили отдельную купальную зону.

На берегу работали душевые и маленькое тёплое помещение для переодевания; на воде дежурила спасательная лодка. За ограждением акватории море оставалось холоднее, глубже и совершенно равнодушно к вывеске «Открыто».

Динара переоделась первой, но вышла последней. Тонкая защитная одежда сидела непривычно плотно, подчёркивала живот, бёдра и все места, о которых она не вспоминала под рабочей курткой. В раздевалке стояло узкое зеркало. Она посмотрела на себя, подняла плечи и вдруг страшно захотела снова оказаться молодой женщиной у астраханской воды, для которой тело ещё не содержало такой подробной истории.

Мила постучала.

— Мам, ты там до конца купального сезона?

— Иду.

Снаружи дочь ждала с двумя полотенцами. Волосы она убрала под мягкую шапочку; лицо без привычных прядей казалось ещё моложе. Динара взяла своё полотенце и поняла, что сравнение со старой фотографией больше не нужно: молодое тело уже стояло рядом и хотело поскорее в воду.

Инструктор проверил их снаряжение, спросил о занятиях. Мила назвала свою группу и Асю. Динара сказала, что плавала на Земле, затем добавила, что на Марсе после переезда почти не практиковалась. Инструктор попросил обеих сперва показать простое движение в прибрежной части.

Вода коснулась Динариных щиколоток.

Она ожидала холода. Было прохладно, но не так, как при случайном плеске с палубы; вокруг ног двигалось что-то плотное, живое от собственного движения. Динара сделала ещё шаг, потом другой. Мелкая крошка под подошвами смещалась. Над ограждением пляжа шумел ветер, а здесь, в небольшой тёплой полосе, от воды поднимался слабый пар.

Мила вошла следом и засмеялась, когда волна ударила её под колени.

— Вот это лучше бассейна.

— Пока не пробовала лечь.

— Так давай.

Динара наклонилась, опустила ладони в воду и только тогда обнаружила, что не знает, как начать. Раньше она просто отталкивалась от дна. Теперь вспомнилась вся тяжесть собственных незанятых рук и незнакомая лёгкость тела, которое вода поднимала слишком охотно, но не туда, куда она ждала.

Мила уже лежала рядом, держась в разрешённой мелкой зоне. Повернула голову к матери.

— Не поднимай подбородок так. Тебе неудобно будет.

Динара послушалась, погрузила лицо на мгновение и тут же подняла: вода попала в нос. Дочь не засмеялась. Сказала, что у неё в первый раз тоже так, и подождала, пока мать перестанет кашлять.

Им понадобилось несколько попыток.

Над ними не было потолка с ровной световой полосой. Динара видела бледное огромное небо, верхушки берего-

вых щитов и маленькую фигуру наблюдающего инструктора. Когда вода закрыла уши, звуки стали низкими и далёкими; когда волна приподняла голову, вернулись чужие голоса, плеск, смех Милы.

Она проплыла немного, остановилась, снова почувствовала дно. Сердце билось быстро. От усилия было жарко в груди и холодно у горла. Мила развернулась рядом, откинула воду с лица ладонями и посмотрела на неё так серьёзно, будто они только что вдвоём проверили новую землю.

— Получилось?

Динара кивнула. Говорить пока не хотелось.

Они ещё долго оставались в воде, возвращаясь к берегу, когда инструктор просил не уходить за крайнюю отметку. Мила показывала то, чему научилась за месяцы занятий; Динара пробовала повторять, потом предлагала своё движение и обнаруживала, что его тоже нужно менять. Обе то знали больше, то становились неумелыми, и от этого им было смешно.

Когда выбрались, Динара сразу почувствовала ветер. Мила набросила ей на плечи полотенце, своё прижала локтем и потащила обеих к тёплой двери.

В помещении они сидели рядом на лавке, пили горячее и слушали, как соседние женщины спорят, у кого вода попала в закрытую сумку. У Динары дрожали колени. Она не помнила, чтобы после самого важного выступления в жизни ей было так трудно удержать кружку.

— Ты обещала меня научить, — сказала Мила.

— Я помню.

— Хорошо, что не стала ждать, пока получится красиво.

Динара посмотрела на дочь. Та улыбалась совсем без насмешки, и мать тоже улыбнулась, наконец почувствовав, как тепло возвращается в пальцы.

* * *

Артём встретил их у выхода и первым делом потребовал доказательств.

Мила показала мокрую шапочку. Он сказал, что её можно было намочить под краном. Динара положила ладонь ему на шею. Муж подпрыгнул так неожиданно, что соседняя женщина уронила свой пакет и обе засмеялись.

— Ладно, верю. Вы холодные. Пошли есть.

Он привёл их к новому ряду маленьких торговых мест над берегом. Ещё месяц назад там лежали трубы; теперь работали две кухни, мастерская мягкой одежды и человек, продававший изображения моря на любых предметах, которые удавалось принести. На его столе стояли тарелки, пластины, детский шлем и старая дверца от шкафчика. Динара узнала белую волну с рекламного ролика в Ступенях.

Хозяйка первой кухни поставила перед ними миски. Артём попросил не добавлять ему острое. Мила тут же потребовала его долю себе. Хозяйка сказала, что это не наследство

и каждой миске полагается своя цена.

Её звали Тамара; то же имя стояло на вывеске. Раньше она работала в столовой пускового хозяйства. Теперь взяла часть накопленного, арендовала помещение и каждый вечер выносила за дверь большой стол, который утром тащила обратно. Артём помог ей сегодня ещё до прихода семьи и теперь сидел с видом постоянного полезного клиента.

— У вас уже очередь, — сказала Динара.

— У меня две конфорки. Для очереди много не надо.

— Хорошо же.

Тамара посмотрела на стройку за спиной Динары.

— Хорошо. Только к следующему сезону они там откроют большой зал. Тогда узнаем.

Она ушла к другим посетителям. Динара ела, глядя, как тёплая вода расходится у берега длинными спокойными складками. Отсюда были видны две лодки. Одна везла людей к новому посту, другая стояла у опытного причала Артёма. Настоящие постоянные грузовые суда пока собирали, но нижние перевозки уже забрали часть тяжёлой работы с верхней дороги. Обход перестал стоять каждую ночь; Динара знала это по записям и по тому, что Климова впервые прислала ей сообщение без требования немедленно созвониться.

— Мы с Галиной смотрели твою старую очистку, — сказала она мужу. — Когда я приезжала на открытый день. У них в коридоре до сих пор наш старый шкаф.

— Он хороший. Его нельзя списывать только потому, что мы съехали.

— Я не предлагала.

Артём кивнул и продолжил есть.

Мила отвлеклась на Романа. Тот подошёл со стороны мастерской, остановился у края стола. На нём была чистая светлая рубашка, которую Динара видела впервые. Без рабочей повязки и тёмной куртки он выглядел почти нарядным.

— Добрый день. Мне сказали, вы купались.

— Не все выжили, — сказала Мила.

— Кто не выжил?

— Моя уверенность, что я уже умею.

Артём передвинул свободный стул. Роман сел, заказал себе еду. Мила смотрела на него чуть внимательнее, чем требовалось разговору. Динара это заметила и улыбнулась в миску, а потом Роман спросил Артёма о последней переделке опытной лодки, и муж немедленно перестал замечать всё остальное.

Они спорили о том, где лучше поставить дополнительный закрытый ящик. Артёму хотелось больше полезного места, Роману — сохранить доступ к проходу и креплениям. Оба показывали ладонями одну и ту же длину, но у каждого она выходила разной. Тамара принесла вторую порцию хлеба и велела не строить судно на её единственном большом столе.

После еды Мила сказала, что ещё погуляет. Роман поднялся с ней.

Динара нашла ладонь мужа под столом. Он пожал её, не отрывая глаз от двух уходящих людей.

— Хороший парень, — сказал он.

— Пока ты его ящик не переделал.

— Не переделал. Обсуждаем.

Они остались у Тамары до тех пор, пока та не начала смотреть на их пустые миски. Тогда Артём поднял стол с одного края, помог переставить в защищённое место, а Динара собрала кружки. Она впервые за много дней делала это без параллельного разговора по связи.

* * *

Мила с Романом ушли за ряд строящихся домов.

Там ещё не было красивой дороги. Земля хрустела под подошвами, местами приходилось обходить неубранную упаковку и глубокие следы машин. Далеко впереди стоял каркас нового большого зала; за ним открывалось море, уже слишком широкое для того, чтобы всё время искать глазами противоположный берег.

Они дошли до защищённого угла и сели на низкую бетонную полосу. От неё собирались начинать ограду, но пока ограды не было, и место никому не принадлежало в привычном ежедневном смысле: можно было просто сесть.

Мила рассказала о матери в воде. Роман слушал, улыбался и время от времени смотрел на неё. Миле хотелось говорить

ещё.

— А вы почему не пришли? — спросила она.

— Я был на приёнке. Потом вы уже ушли.

— Можно завтра.

— Можно. Если ты пойдёшь.

Мила замолчала. Роман заметил и немного смутился.

— Я всё время собираюсь спросить. Можно на «ты»? Мы ведь уже полгода вместе мокнем.

— Можно.

Она сказала слишком быстро и рассмеялась. Он улыбнулся в ответ, чуть расслабил плечи. Некоторое время они смотрели на воду, не придумывая следующую реплику.

Мила знала, что ему двадцать девять, что у него сестра в Ступенях, что он снимает комнату над сборочным двором и по утрам не любит сладкое. Знала, как он злится на неверно поставленное крепление, как молчит, когда устал, как осторожно ставит чужую еду в сухой ящик. Теперь хотелось узнать ещё то, чего нельзя выяснить за рабочую смену.

Роман положил ладонь на бетон между ними. Мила посмотрела на его пальцы, пододвинула свою руку. Он дождался прикосновения, потом повернул ладонь вверх. Кожа была тёплой и шероховатой. Мила переплела пальцы с его пальцами и вдруг перестала слышать шум стройки.

Первым наклонился он, но последние несколько сантиметров прошла она сама. Поцелуй оказался неловким: ветер принёс на губы её собственную прядь, которую не удержи-

ла высохшая после купания причёска. Роман отстранился, осторожно убрал волос, и Мила снова потянулась к нему, уже смеясь.

Когда они поднялись, над морем менялся свет. Стройка за спиной ещё шумела; кто-то ругался из-за пропавшего крепежа, громко просил вернуть чужую тележку. Мила никогда не думала, что захочет запомнить такой некрасивый звук вместе с первым поцелуем.

У временного прохода Роман остановился.

— Я провожу?

— Мне рано домой.

Он посмотрел на неё, понял и кивнул. Они повернули обратно к воде, туда, где ещё оставалось светло.

Глава 9. Дуга

На «Дуге» можно было уйти от человека и не оказаться за бортом.

Это было первым, что Мила оценила в новом судне. После маленькой «Полосы», где любое чужое недовольство сразу заполняло рубку целиком, здесь существовали коридор, отдельное грузовое пространство, камбуз и узкие места для сна. Если кто-то храпел, можно было хотя бы встать и пройти несколько шагов, прежде чем начать ненавидеть его окончательно.

Рудой увидел, как она открывает дверь в кормовое помещение.

— Проверяете путь отхода?

— Удобства.

— Тогда там ещё ящик. Не садитесь.

Она уже почти села. Выпрямилась, вернулась в проход. Судно было принято после испытаний, но жизнь внутри только собиралась: закрепляли личные сетки, размечали, где хранить сухую одежду, спорили, чья очередь первой мыть пол возле входа. В маленьком пищевом отсеке Юна пыталась открыть шкафчик, который сама вчера велела переставить, и теперь признавала, что Роман предупреждал правильно.

С первого выпуска воды прошло четырнадцать земных месяцев. Миле исполнился двадцать один год; в день рож-

дения она получила от матери хорошие непромокаемые ботинки и от отца письмо с обещанием никогда не нанимать её бесплатно. Роман подарил тонкий тёмный браслет без морских знаков. Когда она спросила почему, ответил, что море у неё и так на каждой вещи.

Он больше не ходил на все рейсы. Работал на берегу, в сборке и ремонте. Они научились встречаться между её возвращением и его поздней сменой, иногда молча ели один и тот же хлеб и расходились, успев только поцеловаться у двери. Пока Миле нравилось даже это: у них была собственная трудная возможность, которую не требовалось объяснять родителям.

На «Дуге» Роман принимал монтаж, но в первый рабочий рейс не шёл: в Пороге ждали две другие сборки. Постоянный экипаж был другим: Рудой капитаном, старший судовой механик Шатров, Юна по теплу и внутреннему хозяйству, двое палубных работников и двое младших судоводителей. Одной из этих двоих стала Мила. Вторым был Лиан Дуарте, который ещё на суше умел отказываться от лишней работы так вежливо, что человек замечал отказ лишь дома.

«Дуга» брала груз, ради которого маленькие лодки пришлось бы гонять много раз. На первом выходе они везли секции жилого дома, оборудование для соляной пробы и тёплую кабину будущего приёмного поста. На восточной стороне собирались расширять Откос — бывшую геологическую стоянку, теперь уже посёлок у новой воды.

Тамара принесла к отправке большую кастрюлю еды.

— Вернёте, — сказала она Шатрову. — Не через год, как всё важное.

Механик был невысокий, темноволосый, всегда с таким выражением лица, словно слышал в соседнем помещении лишний звук. Он заглянул под крышку, кивнул с уважением и собственноручно закрепил кастрюлю на месте.

— В ведомость поставьте, — сказала Юна Миле.

— Поставила. С личной ответственностью капитана.

Рудой, проходивший мимо, слышал.

— Капитан в ответ предлагает личную ответственность тех, кто первым съест.

Роман улыбнулся, не поднимая головы от записи последнего осмотра. Мила увидела его руку на планшете, тёмный край рукава, знакомый изгиб плеча. Ей захотелось подойти и коснуться, но грузовая смена уже начала проверку креплений, и пришлось идти на своё место.

На берегу собрались люди. Сегодня без праздничной стойки, хотя Рейн и Динара тоже пришли. Мать разговаривала с человеком из Откоса, который держал перед собой схему нового причала. Оба всё время смотрели не на судно, а на дальний берег.

Когда отдали последние концы, Рудой позвал Милу в рубку.

— Отход смотрите весь. В следующий раз часть ваша.

Она встала рядом. «Дуга» двигалась тяжелее «Полосы»,

неторопливо меняла положение, но каждое начавшееся движение требовало от человека большей предусмотрительности. Берег не отскочил сразу. Сначала сдвинулась линия причала, потом отделились соседние лодки, и лишь когда между ними возникла настоящая полоса воды, Мила почувствовала, как большой корпус принял рейс.

Динара махала им с верхней площадки. Рядом с ней стоял Артём, в одной руке держал сложенную наружную накидку. Мила успела увидеть, как он переставляет её на другое плечо, чтобы поднять свободную руку. Роман задержался ниже, у монтажного выхода; увидев её в стекле рубки, коснулся пальцами своего запястья. Мила подняла руку с подаренным браслетом.

Потом люди стали маленькими.

* * *

В середине перехода исчез привычный береговой шум.

На «Полосе» всегда что-нибудь оставалось поблизости: дом, склон, огонь, столбы новых знаков. Здесь вода разошлась широко; низкий восточный край ещё не поднялся из дымки, а западный уже стал тёмной полосой. Мила вышла на закрытый от прямого плеска участок палубы и впервые услышала, как много звука производит само судно. Металл гудел негромко, под подошвами шла ровная дрожь, вода расходилась вдоль борта длинным шипением.

Юна стояла рядом, держа чашку в обеих руках.

— Я это себе представляла иначе.

— Как?

— Тепло, кресло, маленькое окно. А у меня теперь кругом вода, и всё время кому-то нужно горячее.

— Ты же сама хотела.

— Я хотела сидеть. Разница осталась.

Они помолчали. Юна уже не выглядела чужой в судовой одежде. Волосы убрала коротко, на ворот пришила мягкую внутреннюю полосу, чтобы не натирал шею. Мила заметила её и подумала, что сама тоже начнёт переделывать новое снаряжение под своё тело, как когда-то родители переделывали казённое жильё.

— Тебе Роман не предлагал остаться в сборке? — спросила Юна.

— Предлагал зайти после возвращения.

— Не это.

— А это — нет.

Юна посмотрела на неё.

— Хорошо.

— Я бы всё равно не осталась.

— Ты бы сначала три дня думала, как ему сказать. А потом устала бы на него за эти три дня.

Мила улыбнулась. За год Юна успела узнать неприятно многое, хотя сама почти ничего не рассказывала о людях, с которыми встречалась на берегу. У неё были отдельные вече-

ра, отдельная связь и привычка уходить домой, когда остальные только начинали веселиться. Мила перестала выпрашивать; теперь чаще радовалась, если подруга просто оставалась рядом.

В рубке её ждал Лиан. Передал текущий участок, показал две новые отметки на промерной карте и только после подтверждения вышел отдыхать. Ветер постепенно усиливался. У «Дуги» был простор для наблюдения, но вместе с ним появилась и большая собственная парусность; Мила замечала, как долго приходится удерживать уже начатую поправку.

Рудой стоял за её плечом. Он не комментировал каждое движение. Один раз велел выйти на минуту с места, посмотреть на нос с другой стороны и вернуться. После этого она перестала поправлять воображаемый крен, которого на самом деле не было.

Восточный край поднялся из дымки к концу её вахты.

Откос ещё не был портом в том смысле, в каком Мила уже называла Порог. Дома стояли на сухих уступах, дорога подходила сверху, а у воды лежала длинная тёмная сборка нового причала. С одной стороны работал подъёмник, с другой двое людей катили пустую тележку, которая всё время уезжала вбок.

За посёлком виднелись белые квадраты соляных площадок. Там пока не производили товар. Проверяли, как вести отдельные концентрированные остатки подготовки, что можно вернуть в хозяйство, как не получить вместе с полез-

ной солью опасную примесь. Динара объясняла это дома за едой, когда Артём сердился на слишком широкое обещание «бесплатного сырья» в новом торговом сообщении.

Рудой принял управление. Мила пошла на палубу.

У причала их ждал человек в жёлтой шапке и слишком лёгкой для ветра куртке. Он широко развёл руки, показывая нужное место. На берегу стояли несколько ящиков, куча креплений и девочка с собакой. Собака была настоящая, небольшая, косматая. Мила не сразу перестала смотреть на неё и едва не пропустила команду Шатрова.

Они закрепились. Тёмная вода под причалом поднималась медленно, потом ударяла снизу, и весь длинный настил отзывался мягким дрожанием. Мила дождалась проверки сходни. Девочка на берегу вцепилась в собачий поводок и торжественно отвела животное на шаг, освобождая дорогу людям, которые приехали из моря.

* * *

Разгружались долго.

Человек в жёлтой шапке оказался Надиром Хариным, руководителем строительной группы. У него было тридцать работников, два незаконченных дома и постоянная потребность в людях, которые соглашались бы делать больше, чем обещали с утра. Он просил сперва поставить тёплую кабину, потом снять жилые секции, потом — «раз уж вы всё равно

здесь» — помочь переставить старый подъёмник.

Шатров отказался. Назвал свою работу, людей, оставшееся время и пошёл к грузовым креплениям. Надир перевёл взгляд на Милу.

— А вы можете?

Она посмотрела на подъёмник. Устройство было знакомое, почти сухопутное, и ей захотелось показать, что она здесь умеет не только слушать старших. Но подъёмник стоял за пределами принятой площадки, на временных опорах, а под ними виднелась новая мокрая полоса.

— После выгрузки, если Рудой согласует, — сказала она.

— Он уже не согласует. Ему домой надо.

Мила посмотрела на него внимательнее. Надир вытер нос тыльной стороной руки и перестал улыбаться.

— Извините. Тут третий день всё стоит. Люди в тёплой кабине сейчас нужнее, чем вежливость.

Она не нашла, что ответить. Помогла снять первую секцию, потом ещё одну. Кабину поставили до темноты. На подключение ушло меньше времени, чем на перенос последнего тяжёлого ящика, и когда внутри вспыхнул свет, береговая смена закричала так, будто море наконец доставило ей именно то, для чего его строили.

Девочка с собакой сидела на сухом ящике. Мила подошла, спросила, можно ли погладить. Собака обнюхала перчатку, чихнула и подставила голову.

— Как зовут?

— Буря.

— Она страшная?

Девочка задумалась.

— На пакет сердится.

Они обе посмотрели на белую упаковку, которую ветер тянул возле опоры. Буря тихо зарычала, словно услышала, что о ней говорят.

Когда Мила вернулась к судну, возле Рудого стояла женщина с двумя сумками. Надир что-то объяснял капитану, показывая на верхнюю дорогу. Рудой слушал, держа руки в карманах.

Женщина хотела уехать с ними.

Её наземный рейс отменили, следующего ждать двое суток, в Ступенях начиналась новая работа. На «Дуге» после выгрузки было свободно, но места для пассажиров и разрешение на их перевозку не возникали от того, что пустое грузовое пространство стало большим.

— Я доплачу, — сказала она.

Рудой покачал головой.

— Не в плате дело. У нас рабочий экипаж, жильё и средства рассчитаны на него. В следующий выход подготовим пассажирскую часть. Сегодня не возьму.

Надир отвернулся. Женщина посмотрела на Милу, словно та, молодая и местная, могла найти более человеческое решение.

Миле очень хотелось сказать, что одно место найдётся. Но

в рубке она только сегодня считала запас на каждого, а потом проверяла места отдыха, где не оставалось лишней полноценной койки.

— Я могу передать, что вы задержитесь, — предложила она.

Женщина сначала не ответила. Потом назвала номер и фамилию. Мила записала, при ней связалась с отделом найма и попросила подтвердить перенос. Ответ пришёл через несколько минут: два дня готовы ждать, дальше потребуется новое согласование.

Это не заменило поездки. Женщина всё равно ушла сердитой, унеся обе сумки. Мила проводила её взглядом до верхней двери.

Надир подошёл уже после.

— У вас скоро все вежливо будут оставаться на берегу.

— В следующий рейс привезём места, — сказала она.

Он посмотрел на «Дугу», на тёплую кабину, в которую люди таскали свои вещи.

— Привезите.

Мила поднялась на борт. По палубе уже прошли первые солёные брызги, оставив белёсые следы на свежей краске. Юна стояла у двери, держа две чистые чашки.

— Ну что, нашла себе работу?

— На следующий рейс.

— Молодец. На этот у нас ещё есть.

Мила взяла чашку и пошла к своему месту. До отъезда

ещё требовалось принять грузовую запись, проверить палубу и дожидаться двух работников, которые не успели поестъ на берегу.

Глава 10. Вторая чаша

По сухой стороне гребня Динара шла быстрее молодых.

Здесь ей не приходилось делать вид, что она не замечает качки. Под ногами был знакомый камень; каждый выступ, каждая светлая прожилка говорили понятным ей способом. Сумку нёс помощник Егор Вяземский. Динара хотела взять её сама, но он сказал, что иначе не успеет и ему будет стыдно. Она разрешила нести.

За гребнем лежала вторая чаша.

Невысокая перемычка отделяла её от основного моря. Даже при проектном уровне вода не могла свободно перелиться сюда, однако в низких местах уже темнела влажная полоса. Вторая чаша оставалась сухой, белёсой, разлинованной следами старых разведочных проходов. В ней стояли три измерительные стойки и маленькая закрытая будка, которую не собирались перевозить: по первоначальному проекту это место оставляли для запаса.

Динара давно хотела его затопить.

Она не скрывала желания. Дополнительная акватория давала более мягкий берег, удобную мелкую полосу для будущего озеленения и ещё одно место, где люди могли жить у воды, а не над высоким обрывом. Пока против были расчёты баланса и люди, отвечавшие за резервный приём при внештатном подъёме. Их возражения Динара понимала. Ей не

наверилось, что они были разумными.

На дне второй чаши ветер поднял мелкую пыль. Она липла к влажным участкам обуви и быстро делала ботинки белыми. Егор остановился у первой стойки, снял показания, сравнил с удалённой записью. Динара прошла дальше, к неглубокой промытой полосе.

Вода туда попадала с внутренней стороны гребня. Её было немного: просачивалась по знакомому слабому слою, выходила у камней и терялась в рыхлом грунте. Такого наблюдения они ждали. Динара присела, отобрала материал по обе стороны влажной линии, потом выпрямилась и посмотрела на поверхность моря за гребнем.

Егор подошёл с сумкой.

— Если открыть, здесь быстро наполнится?

— Смотря сколько открыть. И до какой отметки.

— Я не про проект. На глаз.

Она повернулась к нему.

— На глаз здесь очень хочется. Поэтому и держим стойки.

Он улыбнулся. Егору было двадцать семь; он приехал на Марс уже после университета и относился к созданному воздуху с такой естественностью, что Динара порой завидовала. Ему не пришлось прожить первую треть здешней работы в мире, где открытый рот вне защищённого помещения был вопросом снаряжения.

— Вы всё равно откроете, — сказал он.

— Возможно. Когда смогу показать, куда денется резерв.

— Дальняя сухая низина?

— Там старые выработки. Нельзя просто провести синюю стрелку через всё, что нам мешает.

Они спустились к будке. Внутри стоял старый отопитель, два узких сиденья и стол с неровной кромкой. Егор включил свет, поставил сумку, снял верхние перчатки. Динара разложила пробы, записала место и время, затем открыла карту гребня.

Три низкие седловины. Одна могла стать широким связным проходом, две другие требовали укрепления, если ниже появится жильё. Не жилое ядро, не новый большой город — несколько лёгких береговых кварталов, парк, открытая дорожка вокруг мелкой воды. Она видела их так ясно, что каждый новый геологический запрет ощущался личной потерей.

— Здесь ведь можно без высокой стены, — сказала она.

Егор посмотрел на карту.

— Если не нагонит.

— Здесь как раз можно разойтись по мелкой полосе. Вместо того чтобы бить в узкий высокий берег.

Он кивнул, не споря. Потом попросил показать предел, до которого она собирается допустить застройку. Динара провела линию, сама посмотрела на неё и стёрла часть у нижней седловины.

— Это пока оставить пустым.

Они сделали две версии: желаемую и ту, которая сохраняла резерв. Ни одна не давала всего сразу. Динара сохранила

обе, запретила себе отправлять красивую первую и вышла из будки.

На гребне навстречу ветру уже виднелась широкая настоящая вода. Здесь не было ни столовой, ни поздравляющих людей, ни дочери у судового управления. Море занималось своим: подмывало свежий край, перекладывало мелкий материал, собирало у берега соль, которой в момент выпуска почти не было видно.

Динара наклонилась, подняла белый плоский кусочек. Он раскрошился в пальцах, оставив сухую светлую пыль. Она стряхнула её, вытерла ладонь о чистую внутреннюю сторону перчатки и пошла вслед за Егором. Для этой соли ещё предстояло найти собственное место в их большом деле.

* * *

На пробный ужин Артём запретил приглашать начальство.

— Я его и так позвала, — сказала Динара.

— Кого?

— Себя.

Он посмотрел на неё, фыркнул и поставил на стол первую миску. В ней лежали тонкие тёмно-зелёные полосы, свёрнутые в небольшие неровные пучки. Тамара наклонилась, понюхала и попросила пока никого не спрашивать, похоже ли это на еду.

Собрались в маленьком помещении опытной линии: Артём, двое его работников, Тамара, Динара и Егор, которого муж впустил после короткого допроса, зачем гидрогеологу чужой ужин. Мила была в рейсе. Роман обещал зайти, когда закончит со старой лодкой, и пока не пришёл.

Из второго контейнера, привезённого перед пуском, выросла эта линия. Внутри тогда находилась небольшая закрытая культура, подготовленная к новой минеральной смеси. Артём не выпускал её в море; в отдельных ёмкостях меняли условия, проверяли устойчивость и состав, выбраковывали серии. Теперь служба пищевого допуска разрешила небольшую опытную партию для ограниченного местного меню. До промышленного выпуска оставалось больше работы, чем можно было угадать по полной миске.

Артём положил перед каждым чистый инструмент для еды.

— Сначала без соуса.

Тамара подняла брови.

— Мне тоже?

— Особенно тебе. Ты потом сделаешь вкусным что угодно, а мне надо понять, что получилось.

Все взяли понемногу. Динара пожевала, посмотрела на мужа. Ему очень хотелось спросить первым, но он удерживался.

— Плотное, — сказала она.

— Это я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Егор засмеялся и тут же перестал: Артём смотрел не сердито, скорее слишком внимательно. Молодой человек попробовал второй кусочек, сказал, что сам взял бы к чему-нибудь горячему. Одна из работниц попросила соли, затем вспомнила, что перед ней, и остановила руку. Тамара попробовала последней.

— Горчит, — сказала она.

— Немного, — ответил Артём.

— Для еды — много. Для тебя — мало, ты это полтора года растил.

Динара почувствовала, как хочется вмешаться и смягчить. Муж уже взял следующий пучок, сам попробовал, дождался послевкусия и кивнул.

— Что делать?

— Сегодня — я покажу. Потом сами решите, что в растении менять, а что на кухне.

Тамара принесла маленькую сковороду, попросила освободить одну рабочую поверхность. Артём хотел сперва перенести туда другую миску, но она указала на чистый край и заняла его, не споря о хозяйском удобстве. Через несколько минут в помещении запахло горячим маслом и чем-то новым, острым.

Вторая попытка понравилась почти всем. Один из работников честно сказал, что предпочёл бы обычный городской гарнир, если цены одинаковые. Артём записал и это. Когда

Тамара попросила назвать цену будущей порции, он назвал, потом сам усмехнулся.

— Знаю.

— Зато мне теперь понятно, сколько нельзя тратить на соус.

Они начали считать кухонный расход, но быстро остановились: сегодняшняя маленькая серия ещё не давала настоящей цены будущего устойчивого выращивания. Тамара согласилась взять несколько порций на отдельный вечер, с ясным указанием, что это новая опытная еда. Бесплатной рекламы Артёму не обещала.

Роман пришёл к концу. Сел рядом с Динарой, попробовал остаток и попросил ещё. Артём немедленно оживился.

— Без вежливости?

— Я голодный.

— Это тоже условие.

Когда люди разошлись, Динара помогла мужу убрать посуду. Через прозрачную стенку ближайшей ёмкости шевелились зелёные ленты. Вода внутри медленно двигалась по своему кругу, отдельному от большого моря за стеной.

— Ты расстроился? — спросила она.

— Из-за горечи? Я её сам чувствовал. Просто думал, не так заметно.

— Она права.

— Поэтому я её и позвал. Ты бы сказала, что это начало. Динара поставила вымытую миску на край и посмотрела

на мужа. Он говорил без упрёка, устало, занятый тем, как сохранить сегодняшний полезный результат и не начать оправдывать неудачное. Она поцеловала его в плечо.

— Это начало, — сказала всё-таки.

Он рассмеялся, прижался к ней щекой и разрешил больше ничего не объяснять.

* * *

Письмо с Земли Динара открыла дома одна.

Брат сидел во дворе возле старой стены. За его спиной на ветру шевелилась ткань, натянутая над столом. Он снял тёмные очки, вытер край рукавом и начал говорить, не глядя прямо в камеру.

— У тебя в записи всё вода, вода. Я маме показал, она спрашивает, где ты там спишь. Я говорю: наверное, тоже в воде, иначе зачем столько строить.

Он улыбнулся. Динара сразу услышала отца, хотя брат смеялся своим, более высоким голосом.

Мать подошла позже. Села на свободный стул, поправила возле шеи ткань и попросила брата отойти: он всё время смотрел на неё так, будто она собиралась сказать что-то не по плану.

— Я рада, — сказала она Динаре в камеру. — Всё у тебя получилось большое. Я не всё понимаю, но вижу, люди довольные. Только ты сама на всех картинках на работу идёшь.

Динара невольно оглянулась. На столе перед ней лежали две версии второй чаши, чистые пакеты для следующих проб и распечатка чужого бюджета. Она убрала пакеты в сторону, хотя мать их не видела.

— Тимур говорит, тебе теперь можно прилететь. Не насовсем. Погостить. Или Милу пришли. Я её уже не подниму, но посмотреть могу.

Мать засмеялась, закашлялась, махнула кому-то за камерой, чтобы не подходили. Динара досмотрела спокойно; потом вернула на несколько секунд, разглядела лицо. Мать постарела после последней длинной записи. Ни одного отдельного страшного признака Динара не увидела, но весь человек двигался медленнее, чем она его помнила.

Брат вернулся, сообщил, что у них всё нормально, и показал вдоль стены новые ящики с растениями. Мать тут же поправила его: один ящик старый, просто переставили. Они начали спорить о том, когда это сделали, и Динара досмотрела этот спор дважды.

Ответ она записывала долго.

Нельзя было немедленно сказать «приеду»: дорога занимала часть года, потребовала бы места, денег и освобождённой работы. Нельзя было честно сказать «не могу» так, будто её удерживал один опасный затвор. Она могла уйти из сменного руководства, подготовить замену, принять, что море какое-то время будет происходить без неё. Именно этого ей пока не хотелось.

Она рассказала матери про купание. Показала фотографию Милы, которую дочь разрешила отправить. О второй чаше не сказала, хотя это было самым новым и самым важным для неё сегодня.

— Я ещё не знаю, когда смогу приехать, — произнесла она наконец. — Не хочу обещать тебе дату и передвигать. Но я услышала. Мы с Артёмом поговорим по-настоящему. И с Милой тоже.

Закончив, Динара не отправила запись сразу. Дослушала собственный голос и нажала отправку.

За окном шумел ветер. Где-то у причала судно дало короткий сигнал, затем ответил другой. Раньше эти два звука слились бы для неё в общее новое морское дело; теперь один из них мог принадлежать лодке, на которой возвращалась дочь. Динара подошла к окну посмотреть.

Глава 11. Люди с билетами

Первый пассажир «Дуги» попросил, чтобы его отвезли обратно, ещё до отхода.

Это был мальчик лет пяти. Он забрался на борт с отцом, увидел воду между судном и причалом и немедленно понял, что отец не вполне объяснил ему устройство путешествия. Теперь стоял возле двери, обеими руками держась за край куртки взрослого, и говорил всё громче.

Мила присела перед ним.

— Хочешь посмотреть, куда сядешь?

— Домой хочу.

— Здесь недалеко.

Она успела услышать собственные слова и замолчала. Недалеко для неё, после года работы, ничего не значило человеку, который впервые оказался над подвижной чёрной щелью.

Отец мальчика тоже присел. Они поговорили вдвоём, без взрослой команды свидетелей. Мила отошла, проверила остальные места. Через несколько минут оба вернулись на берег. Отец спросил, что будет с билетами. Мила назвала службу возврата, предложила передать причину отказа, но мужчина покачал головой: разберётся сам. Он выглядел усталым и немного обиженным на несостоявшийся семейный день.

Из шести подготовленных пассажирских мест заняли четыре.

Юна закрыла свободные откидные сиденья, проверила проход и посмотрела на Милу.

— А мы неделю спорили, как все поместятся.

— Поместились.

— Даже с запасом на передумать.

Пассажирскую часть проверили отдельно от грузовой. Новые средства, места для одежды, дополнительная вода, порядок выхода, люди, отвечающие за незнакомых на борту, — всё это заняло больше времени, чем поставить ещё одну мягкую скамью. Мила впервые участвовала в подготовке с самого начала и теперь видела за каждым смешным мелким неудобством чью-нибудь вчерашнюю работу.

Среди четырёх была женщина, оставшаяся в Откосе у берега в первый рейс. На этот раз ехала туда из Порога. Она узнала Милу, кивнула и сама спросила, куда ставить сумку.

— Устроились? — спросила Мила.

— Да. Вы помогли с переносом. Меня дождались.

Женщину звали Нина Шульц. Она получила работу в Ступенях, а её девятилетняя дочь Ада пока жила с отцом в Откосе. Теперь Нина везла ей две книги, городские сладости и старый мягкий чехол для собачьей лежанки. Собаку звали Буря.

Мила улыбнулась.

— Я её знаю.

— Собаку?

— Обоих.

Нина впервые посмотрела на неё без прежнего разочарования. Села у окна, застегнула крепление, достала тонкий прозрачный пакет с надорванным углом и попросила сказать, если на судне от такого будет слишком много крошек. В пакете были сладости не для дочери: эти она собиралась съесть сама, по дороге.

Рудой вывел «Дугу» из Порога и передал Миле прямой участок. Он всегда говорил с ней на «вы» при посторонних; после работы иногда забывался и называл Милой, но обращения это не меняло. В двадцать один год она всё ещё чувствовала от этого непривычную важность и старалась не показывать.

Нина почти сразу заснула. Другой пассажир, пожилой работник берегового освещения, долго разглядывал воду, потом тоже задремал. Двое молодых мужчин шёпотом спорили о месте под мастерскую в Откосе. Море, ради которого год назад люди выходили из домов, уже возило чужие сны и разговоры о наёмной площади.

Мила держала курс и улыбалась сама себе.

* * *

В Откосе их встретили ворота.

Неделю назад вход с причала оставался просто проходом

между двумя стойками. Теперь поставили ограждение, отдельную будку и человека, который проверял список прибывших. Для строительной безопасности это имело смысл: возле грузового хода по-прежнему работали подъёмные машины. Пассажирского выхода не успели закончить, и четверо людей с билетами оказались у того же места, где двигали тяжёлые секции.

Мила вывела их в ограждённый карман, дождалась остановки ближайшей перевозки. Человек у ворот нашёл в списке только трёх.

Не было Нины.

— Она едет к дочери, — сказала Мила.

— Я вижу цель. У меня нет подтверждения жителя.

Нина достала приглашение бывшего мужа. Проверяющий прочитал, сравнил с экраном, попытался вызвать ответственную службу. Ветер шёл вдоль настила, тянул за край Нининой сумки. Её сонная спокойная улыбка постепенно исчезла.

— Они меня знают, — сказала она. — Я тут жила.

— Нужна сегодняшняя запись. У вас место проживания другое.

— У меня ребёнок здесь.

Мила попросила проверить данные рейса. Свою часть «Дуга» передала до выхода. Список прибытия подтвердили, отказа не было. Но подтверждение местного прохода запрашивалось отдельно, по внутреннему порядку Откоса, кото-

рый изменили позавчера. Об этом на судно не пришло ни одного сообщения.

Надир явился через десять минут. Уже без жёлтой шапки, с коротко подстриженными волосами и следами пыли на лице. Мила обрадовалась, решив, что сейчас всё закончится. Он прочёл экран, поднял глаза на Нину.

— Сергею надо было подтвердить.

— Он на выезде. Я ему написала вчера.

— Значит, не получил. Сейчас найдём.

— У неё билет, — сказала Мила.

Надир посмотрел на неё спокойно.

— До причала. А дальше у нас стройка.

Она почувствовала, как злость поднялась от живота к горлу. Рядом тянулась линия воды, возле верхнего прохода виднелись жилые двери. Между ними поставили будку, и теперь все говорили так, будто Нина собиралась войти в незнакомый частный дом.

— Причал общий, — сказала Мила.

— Причал на строительной площадке. У нас дважды за неделю таскали чужой инструмент. Один человек вошёл посмотреть море, а вышел с катушкой кабеля. Вы хотите, чтобы мы всё это не проверяли?

— Я хочу, чтобы человек мог попасть к дочери по тому списку, который вы уже приняли.

Надир отвернулся к проверяющему. Тот повторил, что список судна принят, а согласование жителя не получено.

Никто не врал. От этого Миле хотелось кричать ещё сильнее.

Она позвала Юну и попросила сопровождать остальных троих. С Ниной осталась сама.

На шестнадцатой минуте нашли Сергея. Он был у верхнего водного поста, за пределами хорошего местного покрытия, и прислал короткое подтверждение через рабочий канал. Проверяющий получил, внёс, открыл проход.

Нина не побежала. Убрала бумаги, подтянула сумку и спросила:

— Обратно мне у кого разрешение брать?

Надир назвал службу. Нина записала, поблагодарила Милу и пошла вверх, к дочери.

На судно Мила вернулась уже совсем без утренней радости.

Рудой слушал её, не перебивая. Она рассказала всё по порядку, дошла до слов «билет до причала» и наконец выругалась. Юна молча придвинула ей чашку.

— Мне нужен ваш полный доклад, — сказал Рудой. — Включая минуты задержки. И подтверждение, что данные рейса приняли.

— Я уже сохранила.

— Хорошо. Время стоянки нам оплатят. А проход надо согласовать до следующей отправки.

— Оплатят, — повторила она. — И дальше можно так же. Рудой поднял глаза.

— Вы хотите решить сейчас или крикнуть ему?

Она промолчала. Он подождал, затем повернул к себе текущий рейсовый лист. Мила ушла составлять запись и обнаружила, что от злости вспоминает детали точнее обычного: цвет будки, ветер, Нинину сумку, одинаково спокойные голоса людей по обе стороны отказа.

* * *

Надиру она позвонила сама, уже после возвращения.

— Я хочу приехать на следующем рейсе и пройти весь путь до жилых дверей. С вами. И с человеком, который составлял новый порядок.

— Пишите в береговую службу.

— Написала. Они ответили, что список судна принят. Я знаю. Я была там.

Он долго молчал. Мила слышала, как за его спиной кто-то громко передвигает тяжёлый предмет. Потом Надир отошёл в другое место, шум стал тише.

— Вам сколько лет?

— Достаточно, чтобы привезти ваших людей. И дожждаться оплаты стоянки. Мы её выставили.

Он невесело усмехнулся.

— Это уже капитан подсказал.

— Да. А пройти хочу я.

Надир согласился на короткую встречу. Мила отправила запрос через судовую службу, получила время и только по-

сле этого сказала матери. Динара выслушала и спросила, не нужна ли ей ссылка на общий проект берегового доступа.

— Нужна. Но приезжать не надо.

— Я не собиралась.

Мила посмотрела на неё. Мать улыбнулась коротко, не совсем добродушно. Дочь почувствовала неловкость: она успела защититься от помощи, которой ещё не предлагали.

— Дай мне схему, — сказала Мила мягче.

Динара открыла файл, показала, где проход должен был выйти к будущему постоянному берегу. Нынешние ворота стояли поперёк временного грузового хода. Всё выглядело правильным, если смотреть только на каждую часть отдельно. Общий человеческий путь на этих слоях действительно терялся.

Мила забрала копию. В следующий рейс, после сдачи своей работы, пошла с Надиром от самой сходни. До верхней двери оказалось двести с небольшим шагов, если не считать ожидания возле катушки, которую опять перетаскивали в середине прохода.

Человек, составлявший порядок, был молодым городским инженером. Он честно сказал, что пассажирский выход должны были принять через месяц; на это время оставили строительный режим. Никто не предполагал, что люди начнут ездить семьями раньше.

— Они уже начали, — сказала Мила.

Инженер кивнул. С ней он не спорил.

Сделать отдельный защищённый проход удалось по стороне старого склада. Потребовались ограждение, несколько лёгких секций покрытия и ещё один человек в часы прибытия. Надир не хотел оплачивать всё из своей строительной статьи. Судовая служба согласилась участвовать только в том, что относилось к высадке. Спор занял три дня, и Мила несколько раз пожалела, что вообще начала.

На четвёртый пришёл ответ Динары: временный береговой проход входит в уже принятое публичное обязательство проекта. Часть средств нашлась в его статье доступа; остальное береговая служба взяла на себя после выставленной оплаты лишней стоянки. Порядок подтверждения жителей заменили уведомлением о прибытии. Вход в частное жильё оставался делом хозяина, проход к жилому ряду — делом посёлка.

Когда Мила в следующий раз вывела пассажиров, Нины среди них не было. Шли другие люди, со своими сумками. Они прошли мимо склада, не заметив ничего особенно нового.

Надир стоял у ограждения. Мила остановилась рядом.

— Теперь лучше.

— Теперь у меня ещё один человек в графике.

— Знаю.

Он посмотрел на неё, потом на воду.

— Приходите в следующий раз не ругаться. У нас наверху зал открыли. Маленький.

— Приду.

Мила вернулась на судно. У входа Юна показала ей свой прибор: пятнадцать минут до начала разгрузки. Они успели подняться в рубку, открыть окно с защищённой стороны и молча постоять рядом, пока новый пассажирский проход выпускал людей к домам.

Глава 12. Длинный размах

Первый сильный ветер застал «Дугу» в Откосе.

О нём знали заранее. Грузовой выход перенесли, пассажиров отправили предыдущим рейсом, свободные береговые вещи убрали выше. Надир ходил без шапки даже на холоде: всё время заходил в помещения, выходил, снова возвращался за кем-нибудь, забыв, где оставил свою жёлтую. По его лицу Мила поняла, что ночной работы будет больше, чем обещал прогноз.

Они оставались у внешней стороны нового причала. Перед разгрузкой Рудой проверил место с береговой службой; после усиления ветра снаружи должен был прикрывать свежий защитный выступ. «Дугу» закрепили, оставив только ту часть груза, которую требовалось перевозить дальше после погоды. Шатров дважды обошёл палубу, осмотрел защиту у борта и ушёл проверить нижние помещения.

Мила стояла в рубке с Лианом. На столе лежали две карты — ещё вчерашняя рабочая и новая, которую получили перед отходом. Вода продолжала подниматься к проектному уровню, и часть берега за последние месяцы успела стать другой не только по очертаниям, но и по тому, как принимала волну.

С моря шёл серый свет. В нём вода казалась ровной до тех пор, пока Мила не начинала различать наклонённые тёмные плоскости. Они приходили к защитному выступу, исче-

зали за ним, затем с другой стороны поднималась следующая длинная складка.

Рудой вышел из внутреннего прохода.

— Как на швартовах?

Лиан назвал последнее наблюдение. Мила показала время между двумя длинными движениями корпуса. Капитан посмотрел на запись, потом на причал.

— Дальше отмечайте. С этим грузом будем смотреть отдельно.

Он позвонил береговой службе, уточнил состояние внешних секций. Мила слышала спокойный голос, знакомые обозначения. На берегу всё тоже оставалось в работе.

Потом сдвинулся горизонт.

Не резко. «Дуга» поднялась, медленно навалилась к причалу и так же медленно отошла. Защита у борта скрипнула. Мила ждала, что следующее движение окажется короче, но оно вышло почти таким же. На причале люди остановили тележку и прижали к ограждению.

Фёдор Легостаев появился у двери рубки. С первого курса он ушёл в палубную работу; говорил теперь меньше, чем в учебном бассейне, и всегда сперва смотрел на руки собеседника, проверяя, занят ли тот.

— У средней секции ход растёт. Я Гришу позвал, вдвоём смотрим. На берегу просят ещё принять один ящик, чтобы с площадки убрать.

Рудой покачал головой.

— Грузовые движения прекратить. Совсем. Через зазор никому.

Фёдор передал вниз. Ответ пришёл сердитый: ящик небольшой, его можно быстро.

— Пусть остаётся небольшим на берегу, — сказал капитан.

Он надел верхнюю куртку и вышел. Мила осталась у связи. Она видела, как Фёдор с Гришей расходятся по палубе, не приближаясь к месту, где борт почти касается причала. Низкая тяжесть делала их шаги лёгкими только издали. Вблизи каждый держался за опору, прежде чем перенести ногу.

Порыв пришёл со стороны открытой воды. В ветровом стекле зашуршало, снаружи взлетела белая мелочь. На мгновение исчез дальний огонь, затем снова открылся. Корпус отклонился; под полом прошёл протяжный гул.

Мила посмотрела на запись движения. Длинная волна не была высокой стеной, какой рисовали шторм в учебной комнате. Она брала судно большим медленным размахом. Тяжёлый корпус успевал начать уход, прежде чем крепление возвращало его обратно.

Рудой вернулся быстро.

— Готовность к отходу. Сообщите берегу, я говорю с их старшим.

Лиан занял место у управления. Мила вызвала Шатрова, получила подтверждение готовности, передала берегу. Там ответили не сразу, и она почти видела человека, которому

теперь придётся перестраивать собственную работу вместо того, чтобы просто переждать погоду рядом с большим удобным судном.

Рудой говорил с Надиром.

— Стоять здесь дольше не будем. Наружный коридор свободен, уйдём в проверенную акваторию.

— У вас же выступ держит, — ответил тот.

— Он режет короткую. Длинная заходит. Мы тянем секции на каждом ходе.

— Сейчас приглушит.

— Возможно. Я до этого места не жду.

Мила смотрела на среднюю секцию. Когда «Дуга» отходила от неё, на нижней стороне открывалась узкая мокрая полоса. В следующий раз она показалась шире. Девушка назвала это Рудому. Он подошёл к стеклу, сам дождался движения и коротко подтвердил, что видит.

Связь перебил Фёдор.

— На берегу человек упал. У дальнего крепления. Они к нему идут.

Мила увидела людей, сгибавшихся против ветра. Один опустился на колено, другой пытался поднять лежащего за плечи, затем оба отступили от самого края. Поднять мешала тележка, которую раньше прижали к ограждению.

— Наши на палубе? — спросил Рудой.

— Оба здесь, — ответил Фёдор. — Могу сходню...

— Нет. По зазору не идти. Сходню берег убирает. Пусть

выносят в свой проход. Помощь им вызвали?

Мила уже говорила с береговой диспетчерской. Медицинская группа шла сверху. Она передала капитану, потом снова связалась с пострадавшим участком. Там отвечали коротко, не всегда с первого раза, но отвечали.

Корпус качнулся к причалу. Лежащего успели оттащить за тележку, и Мила на мгновение перестала видеть его совсем. В эту секунду ей хотелось бросить связь, выйти, сделать хоть что-нибудь собственными руками. Подошедший Шатров сел у соседнего поста и негромко попросил повторить, где сейчас береговая группа.

Она повторила. Нашла на записи, передала точнее. Пока говорила, люди у дальнего крепления подняли пострадавшего и понесли к светлой двери. Один держал его левую руку выше, чем правую. Всё происходило мучительно медленно, но уже в сторону берега.

Рудой начал отход.

Мила знала порядок, исполняла свою часть и всё равно потом не могла восстановить каждую минуту. Помнила голос Фёдора, вид Гриши у закрытой палубной двери, как быстро исчез свободный проход между судном и секцией, а потом снова стал шире. «Дуга» некоторое время шла под таким углом, что смотреть вперёд было неприятно; Лиан держал место, Рудой говорил ему только нужное. Затем наружная вода приняла весь корпус, и причал остался сбоку, за серыми брызгами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.